

№ 44. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 3 Ноября 1879 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Какъ встрѣтилъ одно Рождество фонъ-Засъ.

Рождественскій разсказъ **Б. Левина.**

Рождественскій разсказъ, большія дѣти,
Просящія игрушекъ у судьбы,
Принесъ я вамъ... Какъ проживешь на свѣтѣ
Лѣтъ пятьдесятъ лишеній и борьбы,
Любя въ душѣ, какъ брата, человѣка,
Стремясь познать, гдѣ истина, гдѣ ложь,
Вникая въ ходъ и въ смыслъ болѣзней вѣка,
Такъ многое узнаешь и поймешь
И можешь дать порой совѣтъ разумный
Тому, кто жизнь едва успѣлъ начать,
Кого, какъ пиръ разнузданный и шумный,
Она еще способна опьянять.
И я прошелъ житейскій путь не даромъ,
Когда меня, ребенка нищеты,
Кипѣвшаго отвагою и жаромъ,
Манили въ бой о счастіи мечты.
Давно погасъ тотъ пламень страсти бурной
И не влечетъ теперь уже меня
Различныхъ благъ житейскихъ блескъ мишурный,
Какъ мотылька мерцаніе огня.
Съ усмѣшкою гляжу я, какъ въ тревогѣ
Спѣшитъ толпа, то въ мирѣ, то въ войнѣ,
За счастіемъ, когда его залоги
Лежатъ у насъ въ душевной глубинѣ,
И кто его въ самомъ себѣ не носитъ,
Напрасно тотъ пускается въ борьбу
И ждетъ трофей иль со слезами проситъ
О нихъ, какъ рабъ, и ближнихъ, и судьбу.
Богатство, власть, значеніе и сила—
Ничто для тѣхъ, чей внутренній покой
Погибъ давно, кого одна могила
Освободитъ отъ пытки роковой,
Отъ чувствъ вражды, и зависти, и мщенья,
Отъ призраковъ, которые въ тиши,
Во тьмѣ ночной, въ часы уединенья
Тревожатъ миръ измученной души.
Всѣ почести и всѣ богатства свѣта—
Ничто тому, кто духомъ возмущонъ...
Что значила корона для Макбета,
Когда Макбетъ убилъ съ врагомъ свой сонъ?

Я съ давнихъ поръ пришелъ къ подобнымъ взглядамъ,
Внимательно вникая въ жизнь людей,
Узнавъ вполнѣ, какимъ кромѣшнымъ адомъ
Была она для многихъ богачей,
И каждый разъ во время ёлки снова
Приходитъ мнѣ на умъ одинъ разсказъ—
Разсказъ, какъ ночь на Рождество Христово—
Святую ночь—провелъ баронъ фонъ-Засъ,
Богачъ, банкиръ, глава двухъ фирмъ торговыхъ
И собственникъ прекрасныхъ кораблей,
Нажившій все добро въ трудахъ суровыхъ,
За счастіемъ гоняясь съ дѣтскихъ дней.

Сегодня я о немъ намѣренъ съ вами
Поговорить. Что знаю—передамъ,
А выводы вы сдѣлаете сами,
Отправившись на отдыхъ по домамъ.

Старикъ фонъ-Засъ дѣлецъ былъ очень строгій,
Въ свои дѣла любилъ вникать онъ самъ,
Самъ провѣрялъ всѣ счеты, всѣ итоги,
Порой сидѣлъ въ конторѣ по ночамъ.
Отъ счетныхъ книгъ не отрывая взора,
Не замѣчалъ работавшій старикъ,
Какъ въ часъ ночной была его контора
По мрачности похожа на рудникъ,
Какъ озарялъ свѣтъ лампы одинокій
Рядъ голыхъ стѣнъ, конторокъ и столовъ,
Какъ тишины смущался миръ глубокій
Таинственнымъ шуршаніемъ листовъ,
Какъ мышь въ углу прогрызывала что-то,
Рождая мысль невольную въ умѣ,
Что въ комнатахъ пустынныхъ бродитъ кто-то,
Стремясь отъ глазъ укрыться въ полутьмѣ.
Конечно, здѣсь не могъ бы безъ смущенья
Остаться тотъ, кого во тьмѣ ночей,
Какъ мальчика пугаютъ привидѣнья,
Кто вѣруетъ и въ лѣшихъ, и въ чертей.
Старикъ же былъ совсѣмъ не суевѣренъ
И потому спокойно предъ огнемъ
Надъ грудой книгъ, своимъ привычкамъ вѣренъ,
Работалъ здѣсь и по ночамъ, какъ днемъ.
Окончивъ трудъ и щелкая замками,
Онъ тихо брелъ въ пустынный кабинетъ,
Чтобъ отдохнуть... А тамъ опять дѣлами
Займется онъ, когда блеснетъ разсвѣтъ.

Но какъ-то разъ, не кончивши съ работой,
Съ провѣркою различныхъ важныхъ дѣлъ,
Охваченный невольною дремотой,
Онъ на покой отправиться хотѣлъ,
Какъ вдругъ мелькнулъ передъ его глазами
Какой-то свѣтъ: передъ его окномъ,
Чрезъ улицу, веселыми огнями
Наполненъ былъ убогій старый домъ.
Старикъ взглянулъ въ окно: при яркомъ свѣтѣ
Развѣшанныхъ на ёлкѣ фонарей
Сновали тамъ рѣзвившіяся дѣти
Среди своихъ отцовъ и матерей.
Казалось, домъ убогій наполняли
И музыка, и пѣніе, и смѣхъ
И этотъ пиръ за мелкія печали,
За дни труда наградой былъ для всѣхъ.
Старикъ фонъ-Засъ забылъ про сонъ желанный,
И, отъ окна не отрываясь прочь,
Вновь пережилъ негаданно, нежданно
Былое въ ту рождественскую ночь...

И онъ живалъ, какъ семьянинъ когда-то,
Жену, и дочь и сына онъ имѣлъ
И если жилъ въ тѣ годы небогато,
То и одинъ, какъ нынче, не сидѣлъ.
Онъ ихъ любилъ. Онъ видѣлъ цѣль работы
Въ ихъ счастіи и зналъ онъ, для кого
Не спитъ ночей. Ихъ ласки, ихъ заботы
Наградою служили для него.
Но люди всѣ на счастье смотрятъ разно:
Для одного все счастіе въ винѣ,
Другой всю жизнь прожить стремится праздно,
А третьимъ трудъ отраденъ въ тишинѣ.
Фонъ-Засъ привыкъ въ мучительные годы,
Когда онъ былъ гонимымъ бѣднякомъ,
Изъ всѣхъ даровъ безчисленныхъ природы
Цѣль жизни всей усматривать въ одномъ—
Въ количествѣ накопленныхъ сокровищъ.
Хотя на свѣтъ и не былъ онъ рожденъ
Однимъ изъ тѣхъ уродливыхъ чудовищъ,
Которыя и совѣсть, и законъ,
И мнѣнія, и чувства, и порывы
Втоптали въ грязь, смотря, какъ на враговъ,
На всѣхъ людей, стремясь изъ-за наживы
Начать грызню, подобно стаѣ псовъ,—
Но все-же онъ передъ однимъ кумиромъ,
Предъ деньгами, чело свое склонялъ
И вѣровалъ, что неизмѣнно міромъ
И управлялъ, и правитъ капиталъ,
Что счастія мы въ бѣдности не знаемъ
И какъ ни будь и честенъ, и уменъ
Бѣднякъ,—всегда гонимъ и презираемъ
Богатыми на свѣтѣ будетъ онъ.
По опыту фонъ-Засъ узналъ мученья
Борьбы съ нуждой и цѣлью жизни всей
Поставилъ онъ теперь одно стремленье
Отъ этихъ мукъ спасти своихъ дѣтей.

Безъ мелкихъ нуждъ, лишеній и печали
Росли они, хранимыя отцомъ...
Дочь подросла—и вотъ являться стали
Въ домъ къ богачу женихъ за женихомъ.
Одинъ изъ нихъ могъ вѣрной ждать удачи:
Хотя онъ былъ не молодъ, не красивъ,
За то онъ былъ знатнѣе и богаче,
Чѣмъ прочіе. Дѣвичьихъ чувствъ порывъ
Былъ побѣжденъ отцовскимъ наставленьемъ
И дѣвушка, покорная отцу,
Пошла, въ тоскѣ, безъ ропота, съ смиреньемъ,
Со старикомъ немилымъ ей къ вѣнцу...
Потомъ...

Старикъ, переносясь къ былому,
Склонилъ чело. Онъ вспомнилъ, какъ потомъ
Про дочь его разсказъ отъ дома къ дому
Несла молва шипящимъ языкомъ.
Тотъ говорилъ, что дочь его страдала,
Описывалъ другой ея развратъ,
А тамъ дошло до крупнаго скандала
И городъ весь забилъ о немъ въ набатъ.
Мужъ брошенъ былъ. Бѣжала заграницу,
Забравъ свое приданное жена,
Съ любовникомъ... Объ этомъ вѣсть столицу
Могла лишить и отдыха, и сна!
Сановникъ-мужъ, взволнованный позоромъ,
Къ ея отцу явившись въ ту же ночь,
Сказалъ ему съ презрительнымъ укоромъ:
«Прекрасно вы воспитывали дочь!..
Я ввелъ ее въ нашъ кругъ. Я далъ ей званье,
Фамилью далъ, все, чѣмъ шутить нельзя,
И вотъ моя награда за старанье
Богъ вѣсть кого возвысить до себя!..
Не денегъ я искалъ: я ихъ имѣю...
И вы краснѣть должны бы отъ стыда,
Меня въ мужья ей навязавъ на шею,
Когда любимъ я не былъ никогда!..
Иль, можетъ быть, слывутъ такіе нравы
Приличными у васъ въ кругу... въ семьѣ?...»
Старикъ фонъ-Засъ, надменный, величавый,
Какъ въ старину, униженъ былъ вполнѣ...

Онъ проклялъ дочь. Любовь свою на сына
Онъ перенесъ. Для мальчугана онъ
Заботился о званьи дворянина
И хлопоталъ о титулѣ «баронъ».
Ребенокъ росъ одинъ. Больной и нѣжный,
Онъ предался ученію вполнѣ,
Любилъ сидѣть надъ книгой безмятежно,
Любилъ мечтать въ вечерней тишинѣ,
Любилъ читать старинные романы
Съ героями, гонимыми враждой,
И сталъ въ тиши задумываться рано
Про участь тѣхъ, кто борется съ нуждой...
Но больше книгъ развилъ въ немъ эти грезы
Одинъ чудакъ, швейцарецъ-педагогъ,
Идеалистъ и врагъ житейской прозы,
Грошевыхъ нуждъ и мелочныхъ тревогъ.
Онъ былъ смѣшонъ, но лаской безконечной
Былъ полонъ взглядъ открытый старика,
Въ его рѣчахъ былъ слышенъ тонъ сердечный,
Мораль была ясна и глубока.
Бѣднякъ, старикъ, съ богатымъ мальчуганомъ
Сошелся онъ, какъ искреннѣйшій другъ,
Какъ старшій братъ, и въ ихъ союзѣ странномъ
Поэзіи священной вѣялъ духъ.
Къ учителю проникнувъ въ кругъ семейный,
Могъ ученикъ замѣтить, что всегда
Царилъ здѣсь миръ въ сердцахъ благоговѣйный
И бодрый смѣхъ былъ спутникомъ труда,
Что здѣсь никто не лжетъ и не лукавитъ,
Чтобы добыть поболѣе рублей,
И наглеца богатаго не ставитъ
Изъ-за гроша въ число своихъ друзей,
Что смотрятъ здѣсь на все яснѣй и шире
Чѣмъ у него въ семьѣ его родной,
Что здѣсь у всѣхъ иныя цѣли въ мірѣ
И къ цѣлямъ тѣмъ проложенъ путь иной
Былъ Креза сынъ и счастливъ, и доволенъ,
Когда онъ могъ у старика въ гостяхъ
Пробыть часокъ... Не связанъ, веселъ, воленъ
Бывалъ онъ здѣсь при дорогихъ друзьяхъ.
А было ихъ здѣсь въ домикѣ не мало:
Хозяйка, дочь, два сына и притомъ
Ученики смыкалися, бывало,
У добраго наставника кружкомъ.
И мальчуганъ-богачъ былъ радъ душевно,
Что ментора вроставшій въ землю домъ
Такъ близокъ былъ...

Нахмуривъ лобъ свой гнѣвно,
Остановилъ свой взоръ теперь на немъ
Старикъ фонъ-Засъ. Да, онъ блеститъ огнями,
Наполненъ онъ по-прежнему дѣтьми,
По-прежнему наполненъ онъ друзьями,
А онъ, фонъ-Засъ, одинъ здѣсь, безъ семьи,
Безъ сына... Гдѣ-жь его любимецъ кроткій?
И вотъ опять воскресъ предъ старикомъ
Одинъ романъ несложный и короткій
Съ негаданнымъ, мучительнымъ концомъ.
То былъ романъ его любимца-сына
И дочери швейцарца... Трудныхъ дней
Предъ старикомъ открылась вновь картина
И скорбно онъ присматривался къ ней.
Кто первый былъ виновникомъ разрыва—
Онъ или сынъ?.. Когда зашелъ вопросъ
Про этотъ бракъ,—сынъ говорилъ строптиво
И онъ, отецъ, не пожалѣлъ угрозъ,
Пустилъ онъ въ ходъ испытанное средство
Всѣхъ богачей-отцовъ: онъ угрожалъ
Ослушника оставить безъ наслѣдства,
Но сынъ ему съ усмѣшкой отвѣчалъ,
Что онъ себя пока не причисляетъ
Къ разряду тѣхъ продажныхъ, низкихъ душъ,
Которымъ все святое замѣняетъ
Доставшійся въ добычу крупный кушъ.
Тонъ юноши былъ сухъ, высокомѣренъ,
Суровъ былъ тонъ отца... Но вѣдь старикъ
Былъ въ правотѣ своей вполнѣ увѣренъ,
Онъ размышлять по своему привыкъ,
Онъ полагалъ, что сынъ попался въ сѣти
Пронырливыхъ, корыстныхъ бѣдняковъ,
И любящій отецъ интриги эти
Угрозами разрушить былъ готовъ.
Но, видитъ Богъ, онъ не искалъ разрыва,
Не могъ искать разрыва никогда
Съ тѣмъ, для кого упорно, терпѣливо
Провелъ въ трудѣ онъ многіе года,
Кому желалъ богатства, и почета,
И титуловъ, и родственныхъ связей
Съ вельможами, какъ вдругъ рѣшился кто-то
Разбить мечты и планы жизни всей!..

И самъ теперь старикъ понять не можетъ,
Онъ или сынъ тогда былъ виноватъ,
Но грудь его одно сознанье гложетъ,
Что сынъ ушелъ, что сынъ давно женатъ,
Что сынъ теперь разъединенъ раздоромъ
Съ нимъ навсегда... Онъ началъ вспоминать,
Какъ, блѣдная, съ полупотухшимъ взоромъ,
За юношу тогда просила мать:
Въ душѣ отца въ тѣ дни кипѣла злоба
И онъ былъ глухъ ко всѣмъ ея мольбамъ
И медленно довелъ ее до гроба
Съ холодною упорностью онъ самъ.
Но не себѣ онъ посылалъ укоры
За эту смерть. Винилъ другихъ онъ въ томъ,
Что счастіе его они, какъ воры,
Похитили предательски, тайкомъ.
Онъ проклялъ ихъ. Но не внесли отрады
Проклятія въ измученную грудь:
Теперь за трудъ не видѣлъ онъ награды,
Безцѣленъ сталъ его житейскій путь.
Смотря порой на свой куміръ завѣтный,
На золото, онъ задавалъ вопросъ:
Кому отдастъ онъ, брошенный, бездѣтный,
Добытое цѣной кровавыхъ слезъ?
На божій храмъ? Но кто забылъ когда-то
Законъ отцовъ, гоняясь за грошомъ,
Тотъ могъ едва-ль и искренне, и свято
Творить мольбы предъ новымъ алтаремъ.
На бѣдняковъ? Но развѣ онъ въ презрѣньи
Не видѣлъ въ нихъ лѣнтяевъ и глупцовъ,
Пришедшихъ въ міръ, чтобы безъ сожалѣнья
Гнать или стричь ихъ каждый былъ готовъ?
Растратить все, что онъ берегъ когда-то,
На оргіи, на женщинъ, на вино?
Но онъ былъ старъ для шумнаго разврата
И страсти жаръ угаснулъ въ немъ давно...
Сынъ, сынъ одинъ захватитъ все имѣнье,
Чтобъ жизнь того другого старика,
Разлучника, достойнаго отмщенья,
Была вполнѣ покойна и легка.
Но этотъ врагъ и такъ одно веселье
Въ своей семьѣ нашелъ, тогда какъ онъ,
Баронъ фонъ-Засъ, какъ въ мрачномъ подземельи,
Среди хоромъ забвенью обреченъ...
Вонъ тамъ у нихъ сверкаетъ домъ огнями
Снуетъ толпа веселая дѣтей,
Его внучатъ...

Невѣрными шагами
Пошелъ старикъ, чтобъ скрыться поскорѣй
Въ свой кабинетъ. Дрожащею рукою
Взялъ лампу онъ и выронилъ ее:
Огонь потухъ и непроглядной тьмою
Вокругъ него окуталося все.
На первый стулъ онъ сѣлъ въ изнеможеньи,
Склонивъ чело, и въ жизни въ первый разъ
Онъ на яву увидѣлъ привидѣнья,
Отъ ужаса застывъ, не шевелясь,
Смотря на нихъ и смутно узнавая
Въ ихъ образахъ тѣхъ жалкихъ бѣдняковъ,
Которыхъ онъ обидѣлъ, забывая
Долгъ ближняго и братскую любовь.
Онъ видѣлъ дочь, погибшую въ развратѣ,
Въ чужомъ краю, въ грязи и въ нищетѣ,
И съ устъ ея слова однихъ проклятій
Неслись ему. Въ угрюмой темнотѣ
Скорбящею, измученною тѣнью
Явилася предъ нимъ его жена,
И онъ опять внималъ ея моленью,
Онъ видѣлъ вновь, какъ плакала она.
Потомъ слились въ сплошную массу тѣни,
Кружась предъ нимъ, какъ стая облаковъ,
И слышелъ онъ и возгласы мученій,
И пѣніе невѣдомыхъ духовъ:

Умирай, умирай съ своимъ золотомъ,
Всѣми прóклятый жалкій старикъ!
Твой глазетовый гробъ своимъ молотомъ
Завтра крѣпко забьетъ гробовщикъ.

Трупъ твой спустится въ землю холодную
Не родной, а наемной рукой
И никто, какъ про ветошь негодную,
Про тебя не вспомянетъ съ тоской.

Мавзолей надъ твоею могилою
Не поддержитъ съ заботой любовь,
Будетъ онъ только вьюгой унылою
Разрушаться втеченьи годовъ.

Въ дни ненастья осенняго смоется,
Какъ слезами горючими, все
Съ этихъ плитъ бѣломраморныхъ, — скроется
Съ нихъ и самое имя твое.

Ты сгніешь позабытый собратьями,
Еслижь кто и помянетъ тебя,
То не словомъ любви, а проклятьями
За чужихъ, за родныхъ, за себя.

Умирай, умирай съ своимъ золотомъ,
Всѣми прóклятый жалкій старикъ!
Твой глазетовый гробъ своимъ молотомъ
Завтра крѣпко забьетъ гробовщикъ!..

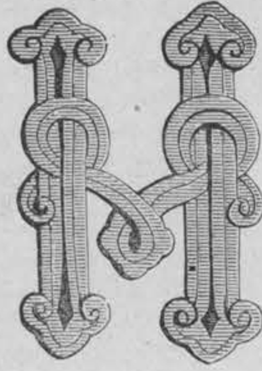
Очнулся онъ. Мерцаніемъ разсвѣта
Окрасились во мракѣ небеса,
Ночь шла къ концу. Чу! вновь запѣли гдѣ-то...
То дѣтскіе звенѣли голоса,
То пѣснь была про Рождество Христово
И про волхвовъ, прославившихъ Христа.
Подъ эту пѣснь въ душѣ его суровой
Вдругъ разлилась такая теплота,
Какъ будто онъ услышалъ о прощеньи
Святую вѣсть и возродился вновь,
Чтобы идти дорогой искупленья
Въ былые дни содѣянныхъ грѣховъ,
И онъ ловилъ тѣ сладостные звуки
И чувствовалъ, что въ старческой груди
Смѣнялись всѣ пережитыя муки
Надеждою на счастье впереди,—
Надеждою на сладость примиренья
И съ ближними, и съ совѣстью своей,
Пока еще возможность возрожденья
Не отнята хотя на склонѣ дней...

Прошли года. Фонъ-Засъ, старикъ маститый,
Любилъ порой въ кругу своихъ внучатъ
Бесѣдовать о жизни пережитой,
На прошлое свое бросая взглядъ,
И каждый разъ припоминалъ онъ снова,
Какъ, тайною тоскою удрученъ,
Въ святую ночь на Рождество Христово,
Смыслъ счастія земного понялъ онъ.

Баской.

Этнографическій романъ **Л. Симонова.**

Глава I.

епроглядныымъ лѣсомъ пермской губерніи, то поднимаясь на плоскія вершины Урала, то ныряя въ лощины его, стелется Павдинская дорога изъ Россіи въ Сибирь. Это кратчайшій, прямой зимній путь отъ Соликамска на Ирбить-городъ, избранный путникомъ временнаго обмѣна произведеній европейской Россіи съ азіатской; центръ, къ которому Павдинской дорогой со всѣхъ концовъ матушки европейской Россіи стекаются въ извѣстные зимніе мѣсяцы всевозможные хозяева, управляющіе, прикащики, самые разнообразные представители и крупныхъ, и мелкихъ торговыхъ домовъ.

На всемъ протяженіи линіи Павдинской дороги, жидко населенной, встрѣчаются почти исключительно селенія государственныхъ крестьянъ, частію русскихъ, частію полуобрусѣвшихъ или же смѣшанныхъ съ русскимъ людомъ пермяковъ.

Едва-ли во всей пермской губерніи найдется селеніе бѣднѣе этихъ раскиданныхъ по ущельямъ Павдинскаго Камня селъ и деревень, жители которыхъ вслѣдствіе суровости климата, позднихъ весеннихъ утренниковъ и раннихъ холодовъ осеннихъ, кормятся зачастую круглый годъ купленнымъ хлѣбомъ.

Среди своихъ жалобъ на мачиху землю, скудно кормящую, среди страха, какъ бы осенніе холода не заморозили недоспѣвшій хлѣбъ на корню, крестьянинъ павдинскій недоумѣло и тупо взглянетъ на васъ, если вы прервете его жалобы вопросомъ: «зачѣмъ онъ тутъ поселился и живетъ?»—«Кто его знаетъ,—отвѣтитъ онъ, наконецъ, нерѣшительно и даже съ оттѣнкомъ неудовольствія на вопросъ,— видно, дѣдамъ да прадѣдамъ Господомъ Богомъ указано!»

И вопрошающій волей-неволей долженъ удовольствоваться такимъ опредѣленіемъ, такъ какъ дѣйствительно трудно выяснить побудительную причину первоначальнаго поселенія тутъ хлѣбопашца. Обѣщаніе-ли какихъ-нибудь льготъ съ цѣлію дать душу проэкту Павдинской дороги привлекло сюда первыхъ поселенцевъ; размѣстились-ли здѣсь люди, разсчитывавшіе сначала на звѣроловство, какъ на главное средство къ существованію, впослѣдствіи же, какъ бы помимо своей воли, поддаваясь только теченію времени и вліянію окружающей среды, превратились въ хлѣбопашцевъ, и дорога Павдинская самасобою пролегла; или то были люди, искавшіе свободы и покоя, съ цѣлію или случайно соединившіеся въ семьи и засѣвшіе здѣсь, среди уральскихъ горъ, въ укромномъ углу, отдѣленномъ, скрытомъ отъ посторонняго глаза и непроглядными лѣсами, и болотами, и рѣками безъ мостовъ, и ручьями да рѣченками безъ переправъ?

Если бы фактомъ, вызвавшимъ поселеніе въ этомъ пунктѣ, было послѣднее предположеніе, то цѣль его оправдывалась бы и теперь, такъ какъ почти половину года о павдинскомъ крестьянинѣ врядъ-ли кто вспоминаетъ! Забываетъ объ его существованіи съ конца одного зимняго пути до начала другого даже само мѣстное непосредственное начальство, проживающее въ городѣ С. За то Павдинская дорога, разобщающая лѣтомъ мѣстнаго жителя съ окружающимъ его внѣшнимъ міромъ, зимой служитъ средствомъ къ соединенію, зимой она его благодѣтельница, поилица—кормилица, безъ нея онъ, конечно, не могъ бы существовать.

И любитъ павдинецъ «зимушку-матушку». Съ какимъ-то наслажденіемъ ждетъ онъ зимняго пути съ надеждой на выходъ изъ тяжкаго положенія, съ расчетомъ покрыть зимнимъ павдинскимъ путемъ всѣ свои годовые прорѣхи и недочеты. И «зимушка матушка» не заставляетъ ждать себя. Съ конца сентября повалитъ снѣгъ въ Павдинскомъ Камнѣ и къ первому октября покроетъ землю. Отсюда, изъ этого факта ранняго начала зимы, мѣстная народная масса объясняетъ себѣ и самое названіе праздника Покрова. Покровъ т. е. день завершающій **покрытіе земли** снѣгомъ. Какъ предвѣстникъ снѣга, подуетъ въ Уралѣ холодный, сухой вѣтеръ, тамъ морозъ оцѣпенитъ пожелтѣлую природу и первыя хлопья снѣга служатъ почти неизмѣнно безповоротнымъ началомъ зимы. И болота, и рѣки, и ручьи, все быстро замерзнетъ, покроется снѣгомъ, сдѣлается доступнымъ проѣзжему. Камни, выбоены, рытвины, впадины да ямы, размытыя весеннимъ разливомъ рѣкъ, все сгладится, ничего не разберешь, одна гладкая, бѣлая пелена передъ глазами, все похоронено, обречено на семи-восьми мѣсячный сонъ матушкой-зимушкой.

На радостяхъ зимняго пути-сообщенія безъ остановокъ и преградъ прокатитъ чиновникъ, купчика на богомолье въ Верхотурье, проѣзжій, другой, тройкой въ рядъ по Павдинской дорогѣ, а тамъ еще и еще обильныя хлопья снѣга валятъ и валятъ, выпадетъ его на три аршина, мѣстами и болѣе. Утонетъ деревня павдинская въ этомъ снѣгу по самыя высоко прорубленныя окна. Плетни, мосты, заборы, все исчезнетъ подъ снѣжнымъ покровомъ и дорога Павдинская изъ широкой, гладкой, какъ бы праздничной дороги, превратится быстро въ узкое корыто, доступное только узкимъ полозьямъ и одной лошади. Начинается ѣзда цугомъ или гуськомъ.

Скучна ѣзда Павдинской дорогой, гдѣ единственнымъ развлеченіемъ путешественника служатъ или окрики ямщика (пѣсенъ пермской ямщикъ никогда не поетъ), окрики то на коренную, что не везетъ, то на переднихъ пристяжныхъ, что постромки не натягиваютъ, то на форейтора-мужика, мальчишку и порою бабу или дѣвку, за повадку, даваемую пристяжнымъ, или при отсутствіи форейтора щелканье длиннаго ямщичьяго кнута, достающаго третью лошадь.

Скучная ѣзда! Вы ѣдете точно коридоромъ. По бокамъ повозки снѣжныя стѣны съ серебристою площадью, тропутою развѣ кое-гдѣ слѣдами мелкихъ пушныхъ животныхъ. А по обѣимъ сторонамъ бѣлѣющей полосы темный, свѣта непропускающій хвойный лѣсъ съ насѣдающими на вѣтвяхъ комьями снѣга, съ верхушкой, представляющейся вамъ съ горы точно второю верхнею пеленою снѣга.

И смотря на эту вторую верхнюю пелену, вы недоумѣваете, когда на свой вопросъ павдинскому крестьянину: «сколько нынѣ выпало снѣга?» получаете отвѣтъ: «да на дорогѣ аль въ поляхъ побольше сажени, а въ лѣсу, поди-кось, и до двухъ саженъ доходитъ».

Тянетесь вы цугомъ отъ жилья до жилья верстъ тридцать-сорокъ, ничего не видя, кромѣ лѣса да снѣга, ничего не слыша, кромѣ окриковъ да брани ямщика. Молча, про себя загадываете, сколько вы верстъ отъѣхали, сколько осталось. Нѣтъ на проселкѣ верстовыхъ столбовъ, а угадать невозможно. Спрашиваете ямщика, тамъ и самъ не сразу опредѣлитъ, до того однообразны хвойныя стѣны да снѣжная полоса, тянущіяся и по бокамъ, и впереди, и сзади васъ. Отвѣтитъ онъ вамъ гадательно; непремѣнно начнетъ со словъ: «поди-кось» и кончитъ оговоркой, что «де бабы тутъ версты клюкой мѣряли».

И кажутся тридцать-сорокъ верстъ цѣлою сотнею. Однообразіе и неподвижность окружающаго вліяетъ и на васъ; вы, словно, цѣпѣнѣть начинаете и физически и нравственно. Вдругъ поляна снѣжная, пересѣкающая и дорогу и лѣсъ, встрепенетесь вы, съ любопытствомъ всматриваетесь то въ одну, то въ другую сторону. Задаете себѣ вопросъ: нѣтъ-ли жилья, нѣтъ-ли хоть какого-нибудь признака присутствія тутъ человѣка? Нѣтъ! То, по словамъ ямщика, рѣка, занесенная снѣгомъ, утонувшая въ немъ вмѣстѣ съ своимъ несуразнымъ мостишкой или поромомъ, застигнутымъ у берега «зимушкой-матушкой». Полого спускаетесь вы съ берега, ѣдете шагомъ и вдругъ съ половины рѣки пускаетесь вскачь на крутую, почти отвѣсную гору. «Вотъ отсельто, говоритъ ямщикъ, — знамо, что верстъ съ пятнадцать осталось, еще на двѣ горки подняться, а тамъ и деревня, а то на гладкомъ мѣстѣ какъ распознаешь?» Спускаетесь вы шагомъ съ противуположной стороны горы и снова передъ вами та-же картина; длинное, кажущееся безконечнымъ на ровномъ мѣстѣ, корытце, тотъ же, не дрогнувшій передъ зимою, могучій лѣсъ вѣковѣчный, та-же между нимъ и корытцемъ дѣвственная снѣжная пелена, искрящаяся при солнечномъ лучѣ.

Вотъ коренникъ неловкимъ движеніемъ дернулъ въ сторону или дурно направленный ямщикомъ пробѣжитъ нѣсколько шаговъ съ краю наѣзженной, твердой, вдавленной колеи дороги—одинъ полозъ вашего экипажа попадаетъ въ сравнительно мягкую глубокую массу снѣга и опускается. Повозка теряетъ равновѣсіе и или вы опрокидываетесь, барахтаетесь и увязаете по горло въ снѣгу, или, по счастію, постоявъ на одномъ отводѣ, особенно при быстрой ѣздѣ, повозка сама собою быстро принимаетъ прежнее положеніе и вы, удержавшись за верхъ или поднявшійся край экипажа, отдѣлываетесь хорошею встряскою и прежде, чѣмъ успѣете опомниться отъ сюрприза, катите дальше. А передъ глазами все тоже: снѣгъ, лѣсъ и стѣною подвигающаяся гора—десятки верстъ.

Если вы проѣдете станцію отъ деревни Павды, гдѣ на протяженіи шестнадцати верстъ—восемь горъ, да при **валкомъ экипажѣ** (высоко поднятые и узкіе отводы) верхъ вашей повозки нерѣдко описываетъ дугообразныя линіи то вправо, то влѣво,—то вы привыкаете, наконецъ, ко всякому положенію вашего туловища. И странное при скаковомъ подъемѣ на гору и висячее, и наклонное положеніе въ бокъ васъ перестаютъ тревожить. Къ тому-же глазъ вашъ утомляется однообразіемъ окружающаго и вы точно погружаетесь, тонете въ этомъ однообразіи ѣзды Павдинской дорогой; втягиваетесь, свыкаетесь съ вашимъ положеніемъ и погружаетесь въ апатичное, полудремотное, полу-сознательное состояніе во все продолженіе пути.

Порою, особенно въ началѣ зимы, цѣлую станцію ни души на встрѣчу. До оно и лучше! Что значитъ встрѣча на Павдинской дорогѣ? Она не оживляетъ человѣка, а безпокоитъ и раздражаетъ. Если встрѣчный пѣшій, то онъ залѣзаетъ чуть не по горло въ снѣгъ, чтобы дать вамъ свободно проѣхать, если то экипажъ то... тутъ цѣлая выработанная теорія: передъ фуражкой съ форменнымъ околышемъ и кокардой все и вся кувыркается въ снѣгъ и путь очищается, даже обозы въ двадцать-тридцать возовъ, нагружен-

ные едва одолѣваемою тяжестью, безъ всякихъ возраженій и ропота булдыхаются въ снѣжную по бокамъ дороги пасыпь. При встрѣчѣ обыкновенныхъ смертныхъ берется во вниманіе общественное положеніе сѣдока и основаніемъ приговора служитъ цѣнность его экипажа и количество впряженныхъ лошадей.

Тутъ совершенно подчиняешься деспотическому распоряженію ямщиковъ или безропотно смотришь, какъ заводятъ лошадей твоихъ по брюхо въ снѣгъ, какъ наваливаютъ повозку на бокъ, и въ висячемъ положеніи пережидаешь проѣзда соперника, или торжествуя, самъ проѣзжаешь безъ всякихъ остановокъ, злорадно поглядывая на повозку встрѣченнаго, утонувшую вмѣстѣ съ лошадьми въ снѣгу. Экипажи одинаковаго калибра и цѣнности—по взгляду ямщиковъ—везомые одинаковымъ количествомъ лошадей, мирно минуютъ другъ друга, оба въ сильно наклонномъ положеніи и потому не всегда благополучно, залѣзая только однимъ полозомъ въ снѣгъ, другимъ имѣя право держаться твердаго, надавленнаго пути.

Однако не долго стоитъ одинокою, пустынною проселочная, зимняя Павдинская дорога; она постепенно, но быстро оживляется. Потянутся безконечные обозы, полетитъ ярмарочный людъ въ первую половину зимы, все въ одну сторону въ направленіи Ирбита, точно также, какъ во вторую обратно, во свояси, одинъ за другимъ, тоже цугомъ. То идетъ кормленіе «зимушкой-матушкой» павдинскаго мужика. Единственный поставщикъ лошадей, ставитъ онъ ихъ подъ повозку проѣзжаго, по искони заведенному обычаю,—чередуясь съ сосѣдями, получаетъ съ торопящихся купчиковъ на чайки; беретъ съ нихъ за постой, за харчи, за самоваръ и посуду; а съ обозныхъ и за кормъ лошадей. То періодъ ликованія павдинца; то его жатва. А на Уралѣ въ то время морозы идутъ, клящіе морозы, когда летящая ворона падаетъ замертво; трещатъ и лопаются бревна избъ павдинскаго крестьянина, а самъ онъ кутается сверхъ овчинной шубы въ оленью доху или, по мѣстному названію, савикъ.

Почти въ центрѣ павдинскаго пути, верстахъ въ пятнадцати отъ одной деревни и въ двадцати отъ другой, въ самыхъ горахъ, стоитъ одиноко жилище лѣсной стражи—изба полѣсовщика. Стоитъ она окруженная съ трехъ сторонъ лѣсомъ, въ самой опушкѣ его, выдвинувшись только лицевой стороной на дорогу.

Прочныя восьмивершковыя бревна ея, не обшитыя тесомъ, пропускаютъ три маленькія оконца, украшенныя рѣзными домашней работы ставнями. Такая-же незатѣйливая доморощенная рѣзьба подъ крышей да рога сахатаго *), прикрѣпленные надъ среднимъ окномъ, составляютъ не только украшеніе избы, но и какъ нельзя лучше отвѣчаютъ требованію,—какъ его называетъ самъ полѣсовщикъ,—форменнаго плана. Крыльцо сбоку съ балясинами у перилъ, да два окна на зады, откуда виднѣются сарай да конюшня, заканчиваютъ видъ жилища лѣсной стражи или, какъ его называютъ мѣстные крестьяне, «лѣсниковой караушкой».

Сами крестьяне сознаютъ, что названіе это не очень подходящее «къ экой разукрашеной хороминѣ», но такъ какъ слово караушка, произведенное, вѣроятно, отъ «караулъ», характерно отмѣчаетъ избу полѣсовщика отъ другихъ одинокихъ избъ, то названіе это, данное съ поконъ вѣка жилищу лѣсной стражи, хотя и при другихъ обстоятельствахъ, при другомъ характерѣ постройки избы, такъ и осталось за нею, и разъ данное останется за нею и впредь, хотябы оно превратилось въ двухъ-этажный домъ.

Въ самый разгаръ оживленія Павдинской дороги, въ сумерки одного изъ такихъ дней, когда духъ отъ мороза захватываетъ, къ крыльцу лѣсниковой караушки подошелъ пѣшеходъ. То былъ высокій, молодой человѣкъ. Коротенькій полушубокъ, стянутый у пояса ремнемъ, не скрывалъ его статной фигуры; какая-то безцвѣтная тряпица, покрывавшая голову и уши поверхъ бараньей шапки, нахлобученной вплотную, да полуразвалившіеся высокіе валеные сапоги довершали костюмъ путешественника.

Толкнувшись въ запертую дверь, онъ согнулъ окоченѣвшіе пальцы въ кулакъ и не безъ усилія, но почти безъ всякаго ощущенія въ рукѣ принялся колотить въ дверь.

На стукъ этотъ въ прорѣзанномъ въ видѣ окна отверстіи на верху двери показалась голова и плечи женщины лѣтъ подъ тридцать.

Маленькое, смуглое лицо съ нѣсколько выдающеюся нижнею челюстью и скулами, лицо точно сдавленное со всѣхъ сторонъ, подалось изъ темнаго отверстія и черные, живые глаза зорко оглядѣли путешественника.

— Что надыть? спросила она удивленнымъ и не особенно любезнымъ тономъ, такъ какъ путешественникъ нѣкоторое время молчалъ.

— Пусти ради Христа переночевать, понимаешь Хри-ста ра-ди! прозвучали, наконецъ, слова, произнесенныя умоляющимъ, болѣзненнымъ тономъ,—тономъ человѣка сильно утомленнаго и до-нельзя прозябшаго.

«Мало-ли тутъ варнаковъ шляется», промелькнуло въ головѣ женщины и опять-таки «Христа ра-ди!» раздавалось въ ея ушахъ. Она колебалась.

— Неужто дашь у крыльца издохнуть? послышалось снова съ оттѣнкомъ кроткаго упрека.

Упрекъ-ли тотъ проникъ въ душу полѣсовщицы или колебаніе ея само-собою кончилось, но кинувъ рѣшительное: «полѣзай въ избу», она двинула желѣзнымъ засовомъ. Пѣшеходъ переступилъ порогъ и очутился въ обыкновенныхъ крестьянскихъ сѣняхъ съ двумя дверями по бокамъ. Одна изъ этихъ дверей пропустила и гостя и хозяйку въ стряпучую избу. Жарко было въ избѣ; пахло свѣже-испеченнымъ ржанымъ хлѣбомъ и еще чѣмъ-то кислымъ, не то не отмытой квашенкой, не то овсянымъ киселемъ, не то прѣлью.

Черненькій, быстроглазый мальчишка лѣтъ восьми при появленіи новаго лица тотчасъ же запихнулъ указательный палецъ въ ротъ и сталъ изъ подлобья любопытными глазами всматриваться въ гостя.

— Лѣзь на печь! сказала хозяйка и, сѣвъ къ окну, принялась за прерванную работу.

Гость отрицательно мотнулъ головою и въ изнеможеніи опустился на лавку, съ трудомъ принимаясь терѣть то рука объ руку, то обѣими руками лицо и уши. Не безъ движенія оставались и ноги, то стукаясь одна о другую, то объ полъ.

И гость и хозяйка молчали.

Онъ, зазябнувшій человѣкъ, что называется, отходилъ, она съ любопытствомъ взглядывала на него, быстро сшивая въ то-же время краюшки нарѣзанныхъ бѣличьихъ хребтовъ. Довольно большой уже лоскутъ темно-сѣраго мѣха лежалъ на ея колѣняхъ; около нея на лавкѣ лежала груда приготовленныхъ къ шитью четырехугольныхъ продолговатыхъ кусочковъ шкурокъ того-же цвѣта, перемѣшанныхъ съ пушистыми черными или темно-бурыми бѣличьими хвостиками.

Руки хозяйки, ея колѣни и грудь, такъ же какъ и край стола и часть лавки были покрыты легкимъ слоемъ пыли, смѣшанной съ тонкимъ, короткимъ бѣличьимъ волосомъ, неизбѣжно падавшимъ при рѣзкѣ шкуръ.

Гость, нѣсколько отогрѣвшись, осматривалъ избу. Глазамъ его представилась не совсѣмъ чисто прибранная кухня съ огромною русскою печью и полатями. Домашній скарбъ, разбросанный тутъ и сямъ, занималъ много мѣста. На веревкѣ, протянутой черезъ всю кухню, сушилась огромная медвѣжья шкура высокой цѣны да онучи хозяина; на стѣнѣ, около которой сидѣлъ гость, красовалась конская сбруя, прочная и красивая рядомъ съ нею ружье старой системы съ блестящими замкомъ и дуломъ, кожанная большая сума и охотничій ножъ; въ углу притаилась рогатина.

Въ другомъ углу нѣсколько принадлежностей мужскаго туалета, развѣшанныхъ аккуратно на гвозди, были прикрыты какою-то тряпицей. Съ мыслью объ отсутствующемъ хозяинѣ, какъ человѣкѣ аккуратномъ и работящемъ, путешественникъ вопросительно взглянулъ на хозяйку. Ея сухощавая, маленькая фигурка въ бѣлой холщевой рубахѣ и синей изгребной юбкѣ, остановила на себѣ его взглядъ какою-то чрезвычайною подвижностью.

Черная, маленькая голова женщины была убрана въ кичку или кокошникъ изъ золотой парчи. Уборъ этотъ, потускнѣвшій и засаленный отъ ежедневнаго употребленія, оканчивающійся кверху надъ висками двумя острыми, выдающимися углами кверху, напоминалъ своею формою коровьи рога. Болтающіяся длинныя стекла въ ушахъ и красный платокъ, не покрывавшій плечъ, а стянутый у шеи съ заткнутыми концами у пояса подъ передникъ, говорили о франтоватости женщины, о ея любви къ цацкамъ.

Черные, гладкіе начесы, выпущенные изъ-подъ кокошника, уменьшали объемъ и безъ того маленькаго лица, уже подернутаго тутъ и тамъ морщинкой. Отъ пристальнаго-ли взгляда гостя, или въ отвѣтъ на собственную мысль, лицо женщины улыбнулось, мелькнули два ряда бѣлыхъ безукоризненныхъ зубовъ, все лицо подернулось какою-то мимолетною гримаскою — и улыбка исчезла. Быстрый, косой взглядъ на сына, быстрый же поворотъ головы къ окну, причемъ серьги болтнулись и блеснули, и снова устремленное вниманіе на работу, причемъ все лицо точно съежилось, сдвинулось въ кучку.

«Чистая обезьяна», подумалъ путешественникъ и перевелъ взглядъ на ребенка, стоявшаго все въ той же позѣ съ пальцемъ, запихнутымъ въ ротъ. Глаза ихъ встрѣтились, гость улыбнулся ребенку, тотъ застѣнчиво отвелъ глаза и вдругъ шарахнулся головою въ колѣни матери. Иголка, вмѣсто бѣличьей шкурки, воткнулась въ палецъ хозяйки, кровь показалась отъ укола. Гнѣвно вспыхнула женщина, опять какая-то судорожная гримаса пробѣжала по лицу; первнымъ, быстрымъ движеніемъ локтя оттолкнула она ребенка и начала сосать палецъ. Мгновеніе и она уже съ дѣтски спокойнымъ выраженіемъ любопытства въ глазахъ, смотрѣла въ глаза гостя, наклонившись всей фигурой впередъ и опустивъ подбородокъ на руки, сжатыя въ кулаки. Шить стало темно, сумерки сгустились.

«Чистая обезьяна» повторилъ мысленно путешественникъ.

Избная жара между тѣмъ сообщилась мало-по-малу и его членамъ. Онъ всталъ, выпрямился, сбросилъ съ головы тряпицу и шапку, сбросилъ полушубокъ, быстрымъ движеніемъ снялъ катанки. Теперь только можно было разсмотрѣть всю его красивую фигуру: правильное, красивое очертаніе головы, бѣлую шею, продолговатое лицо, обрамленное густою, волнистою, весьма короткою бородою и высокій бѣлый лобъ. Сѣрые глаза его смотрѣли вдумчиво, глубоко и вмѣстѣ съ тѣмъ мягко. Ему было года двадцать два, двадцать три. Гибкость стана, мягкія движенія, бѣлизна шеи и лба, не мозолистые руки гостя плохо гармонировали съ пестрядиными портами и рубахой, выпущенной поверхъ. Движеніемъ руки онъ откинулъ назадъ длинные темнорусые волосы.

— Экій баской! *) удивилась хозяйка, не спускавшая глазъ съ молодого человѣка.

*) Лоси.

*) Красивый, хорошій — пермятское слово.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ А. НЕРОВЛЕВА.

Зима.

Рѣзано на деревѣ въ **«Варшавской политипажнѣ»** въ С.-Петербургѣ.

— Баскòй! проговорилъ и ея сынъ, приблизившись шага на два къ гостю.

— Что? спросилъ тотъ, повернувшись въ ихъ сторону.

— А баимъ, молъ, какой ты баскòй!

— Что это значитъ?

— А баскòй, такъ баскòй и есть! пояснила хозяйка и улыбнулась, блеснувъ бѣлыми зубами.

Понявъ, что поясненій больше никакихъ не добиться, путешественникъ отвернулся и сталъ свертывать въ кучу свои пожитки, приготовляя изъ нихъ подушку. Опухоль въ ногахъ заставляла его морщиться отъ боли, голова кружилась. Растянувшись на лавкѣ, онъ быстро заснулъ тяжелымъ сномъ утомленнаго человѣка.

———

Сильный стукъ въ дверь заставилъ хозяйку кинуться въ сѣни. Не подалеку дверного отверстія торчала какая-то физіономія, сильно закутанная, съ ледяными сосульками на усахъ и платкѣ, покрывавшемъ подбородокъ.

— Что надыть? крикнула хозяйка, заглянувъ въ отверстіе. Трое мужиковъ прискакивали около крыльца, поколачивая рука объ руку.

— Обозные мы,—больно студено, поднеси по чарочкѣ, говорятъ, инымъ подносишь,—вотъ три пятака.

Минуты черезъ двѣ взамѣнъ пятаковъ къ обознымъ изъ дверного окна протянулась рука хозяйки съ рюмкою, которая и обошла по очереди троихъ мужиковъ. Перекрестившись и пожелавъ хозяйкѣ всего лучшаго, прозябшія фигуры рысцей кинулись къ обозу. Полѣсовщица выглянула имъ вслѣдъ. На бѣломъ фонѣ снѣга темной полосой виднѣлся обозъ, слышалось фырканье лошадей, отрывочное побрякиваніе шаркунцами. Фигуры мужиковъ утонули въ темной полосѣ. Еще минута и раздалось пуканье и чмоканье ямщиковъ, щелканье кнутами, завизжали полозья, шаршавый звукъ шаркунцевъ слился съ чистымъ звукомъ колокольчика и вся темная обозная масса, поскрипывая и постукивая въ ухабахъ, потянулась далѣе мимо оконъ лѣсниковой караушки.

Луна поднялась изъ-за лѣса и освѣтила окрестность. Снѣгъ побѣлѣлъ еще болѣе и заискрился. Издали слабо доносился еще нѣкоторое время обозный шумъ и звонъ и, наконецъ, совсѣмъ замеръ.

Продрогшая хозяйка кинулась въ избу и на печь. Вслѣдъ за ея появленіемъ раздался стукъ лопнувшаго бревна, черезъ минуту этотъ стукъ, смѣшанный съ трескомъ, повторился въ противоположной стѣнѣ. А лунный свѣтъ такъ и лился въ окна избы, нижнія стекла которыхъ серебрились прихотливыми узорами. По полу протянулись два вытянутыхъ свѣтлыхъ четырехугольника съ темными переплетами. Прохожій спалъ богатырскимъ сномъ, дремалъ и парнишка на лавкѣ, забившись въ лоскутья сшиваемаго матерью мѣха, задремала-было пригрѣтая и сама хозяйка, какъ со двора послышалось хрустеніе снѣга подъ чьими-то тяжелыми, могучими шагами; мужская высокая фигура заглянула въ верхнее стекло оконца внутрь избы и вслѣдъ затѣмъ послышался троекратный, мѣрный стукъ въ дверь. Въ избѣ появился самъ полѣсовщикъ, безсрочно-отпускной солдатъ Сидоръ Ивановъ, человѣкъ лѣтъ сорока, съ строгимъ выраженіемъ лица, съ манерами ловкими, дисциплинированными.

— Ну, быть намъ завтра съ другой шкурой медвѣжьей. Отыскалъ берлогу — далеко бестія залегъ! Чѣмъ свѣтъ выходить надо, проговорилъ онъ, отлипляя ледяныя сосульки съ бороды и усовъ.—Петръ изъ Каменки со мной напросился, у Вагулчьей горы дожидаться меня будетъ... А это кто? сдѣлалъ онъ вопросъ женѣ, накрывавшей столъ.

— А кто знаетъ! прохожій.

— А вѣдь я тебѣ говорилъ, не впускать безъ меня чужого люда, оборони Господи на недобраго человѣка нарваться можно, изба въ сторонѣ, защиты у тебя нѣту, а слухъ-то какой про насъ съ тобой идетъ... будто у Сидора Иванова деньга начинаетъ водиться...

— Да, вишь, больно зазябши былъ, просился Христа ради.

— Ну, ладно, Дарья, ладно, давай ужь ужинать скорѣй—голоденъ, ровно годъ не ѣдалъ.

Въ устьи печи на таганѣ между тѣмъ закипала вода въ чугунѣ. Дарья внесла изъ сѣней висѣвшую тамъ на гвоздѣ какую-то обледенѣлую сѣрую массу, отрубила топоромъ порядочную часть ея и опустила въ кипѣвшій чугунъ. То были замороженные, ржаные пельмени—лакомое блюдо пермскихъ крестьянъ. На столѣ появилась громадная миска со студенемъ.

— Ну, дай-ка на столъ водочки, да буди гостя ужинать, проговорилъ полѣсовщикъ и, широко перекрестившись, сѣлъ за столъ въ передній уголъ.

— Гришутка, буди баскòва! передала Дарья сыну порученіе мужа и опрокинула чугунъ въ рѣшето. Сѣрая масса слипшихся и потерявшихъ форму пирожковъ дразнила аппетитъ хозяина.

Гришутка теперь ужь безъ всякой застѣнчивости бросился къ гостю и принялся тормошить его.

— А? что? идутъ? гдѣ они? забормоталъ гость испуганно и мгновенно сѣлъ на лавкѣ.

— Эг-ге! тихо проговорилъ полѣсовщикъ и, остановивъ кусокъ пельменей на полпути ко рту, сталъ напряженно всматриваться въ прохожаго. Взглядъ его встрѣтился съ испуганнымъ взглядомъ гостя.

— Поужинать, паренекъ, съ нами милости просимъ, проговорилъ Сидоръ Ивановичъ нѣсколько насмѣшливымъ тономъ.

Безпокойный взглядъ гостя мигомъ принялъ спокойное выраженіе и, бормоча благодарность, прохожій очутился у стола.

— Далеко-ль пробираться изволишь? Поди, на богомолье?

— Нѣтъ, я изъ Россіи въ Сибирь путь держу, къ золотопромышленникамъ пробираюсь, хочется къ нимъ пристать...

— Такъ! т-а-к-ъ, ну ка, парнюга, водочки? Выпили.

— Вы кто-жъ такой будете?

— А крестьянинъ я полтавской губерніи, отвѣтилъ гость спокойнымъ голосомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то избѣгая взгляда хозяина.

— Со сна-то только испугался чего-то?

Гость расхохотался.

— Видѣлъ я сонъ, проговорилъ онъ спокойно,—будто иду я, а за мной разбойники гонятся...

Расхохотался и хозяинъ и совершенно успокоился.

— Такъ, говоришь, полтавской губерніи? Я ее хорошо знаю, исколесилъ съ полкомъ;—какого уѣзда?

Гость неохотно назвалъ уѣздъ и поперхнулся неловкимъ глоткомъ.

— И уѣздъ знаю хорошо, стоялъ въ этомъ уѣздѣ восемь мѣсяцевъ, ну-ка и деревня не знакома-ли?

Гость поблѣднѣлъ.

— Забѣгаевка, отвѣтилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ и совершенно скосивъ глаза къ печи.

— Не слыхалъ такой... проговорилъ Сидоръ Ивановичъ въ раздумьи и подозрительно изъ подлобья уставился въ глаза гостя.

Тотъ почувствовалъ этотъ взглядъ и весь вспыхнулъ, но, собравшись съ силами, отвѣтилъ смѣлымъ, спокойнымъ взглядомъ.

— Ты съ полкомъ-то когда стоялъ? заговорилъ онъ быстро.—Съ той поры мало-ли воды утекло, да въ концѣ концовъ могъ и забыть. Забѣгаевка—маленькая помѣщичья деревушка—родъ хутора, гдѣ-жъ тебѣ было ее знать? Вѣдь мало ли что говорится, а не исколесилъ-же ты и въ самомъ дѣлѣ всего уѣзда. Не могъ-же перебывать во всѣхъ деревняхъ, перевидать всѣ хутора...

— Правда... и въ голосѣ хозяина опять послышалось раздумье. Гость самодовольно, спокойно улыбнулся и протянулъ руку къ чашкѣ съ овсянымъ киселемъ. Взглядъ хозяина упалъ на его руку. Улыбнулся и онъ, но насмѣшливо.

— У васъ въ Забѣгаевкѣ-то, небойсь, и пашутъ и косятъ въ рукавицахъ.. хе, хе, хе!..

Рука гостя дрогнула, онъ снова поблѣднѣлъ, но на этотъ разъ тотчасъ-же и совершенно овладѣлъ собою.

— Я крестьянской работы не справлялъ, въ услуженіи у господъ находился—при горницахъ, съ ихними-же дѣтьми и грамотѣ учился. Грамотникъ я, потому и въ Сибирь къ золотопромышленникамъ пробираюсь; хочется на пріискахъ въ писаряхъ пожить. Конечно, мѣсто писаря можно-бы и въ Россіи поискать, да, говорятъ, на пріискахъ раздолье... привольнаго житья захотѣлось...

— Извѣстно. Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ гдѣ лучше, заключилъ хозяинъ, убѣжденный спокойными, ясными доводами гостя.—Выпьемъка еще по рюмочкѣ, да что-ты на кисель накинулся, вотъ отвѣдай студеньку изъ сахачей губы. У насъ тутъ нѣтъ вашего россійскаго студеня, коровушку держатъ не во всякой избѣ да опять же для себя и не бьютъ ее, а буде надобность въ деньгахъ—недокормица, то живыми со двора сводятъ. Ну а сахачьи губы во всякой избѣ найдешь, мясо не ѣдятъ, мясо сахатаго бросаютъ, а вотъ только самый конецъ морды отрубаютъ и на студень варятъ. Я, впрочемъ, здѣшняго обычая не придерживаюсь,—солдатъ ко всякой пищи привыкъ и для меня запретнаго или поганаго животнаго нѣтъ, что есть, что матушка земля даетъ, то и ладно. Вотъ пельяна-то *) эти съ сахачьимъ мясомъ,—кушай! У меня и баба, спасибо ей, слушается и парнюгу такъ пріучила все съ нами ѣсть. Теперь то же вотъ медвѣжачину совсѣмъ не ѣдятъ въ здѣшней сторонѣ, грѣхъ, видишь-ли, а у меня солонины медвѣжьей цѣлая кадь на весну заморожена. Разбирай-ка тутъ, что погано, да что не показано ѣсть, такъ весной съ голоду помрешь.

Сахачій студень, отличающійся отъ обыкновеннаго только горьковато-дичиннымъ вкусомъ, сталъ быстро исчезать. Такую же честь путешественникъ оказалъ и пельнянамъ. Ему, голодному, давно не ѣдавшему никакого мяса, настоящій ужинъ казался роскошнымъ пиромъ, розговѣньемъ послѣ поста.

Мальчишка, все время не спускавшій глазъ съ гостя, забылъ и о пищи.

— Чаво шары-то **) выпялилъ, ѣшь, покуль не убрала! прикрикнула на него мать, сама засмѣявшаяся на баскòва.

Всею пятернею мальчишка залѣзъ въ миску со студенемъ.

— Много-ли пальцами студня добудешь, патко пань! ***) съ этими словами мать протянула сыну ложку.

— Пань! передразнилъ ее мужъ не то съ упрекомъ, не то съ любовью,—пань! Экая пермячка дикая да безстыжая! До сихъ поръ не можетъ чисто по-русски говорить, никакъ не отучишь. Она вѣдь у меня пермячка, обратился онъ къ гостю,—то есть не то чтобы, а только пермяцкаго роду. Дѣдъ съ бабкою истые пермяки были, отецъ русскій, мать пермячка, конечно, нашей вѣры. Православная и она у меня, а все-таки въ свой родъ выглядитъ и языка природнаго,

*) Отъ пельнянъ—мучное ухо (пермяцкія слова).

**) Глаза.

***) Ложка на пермяцкомъ языкѣ.

хошь ты что хочешь дѣлай, не забываетъ. И крѣпокъ-же этотъ родъ ихній, гляди, и парнюгу родила мнѣ всего въ себя. Эхъ ты, пермячина! обратился онъ къ сыну и погладилъ его по головѣ.—А вѣдь, неправда-ли, жена у меня красивая, а? обратился онъ снова къ гостю. Я этакаго чернаго волоса да бойкаго глаза, во всю жизнь не видалъ. На нихъ она меня и поддѣла, за то и женился. Право! хе, хе! Люди-то говорятъ, привороженъ я, околдованъ... пермяковъ тутъ колдунами считаютъ, особенно старыхъ, ея мать вѣдьмой зовутъ... ну, такъ и того... думаютъ, не спроста, а я помалчиваю да посмѣиваюсь. Вотъ десять лѣтъ ладно живемъ. Слава Богу! Пущай, околдованъ.

«О вкусахъ не спорятъ», подумалъ гость и продолжалъ молча ѣсть.

— Дарья, да ты что на него уставилась, на мужа гляди! добавилъ Сидоръ Ивановичъ, обратившись къ женѣ.

— Шибко баской! проговорила Дарья въ свое оправданіе и улыбнулась.

— Я-те дамъ баской! пригрозилъ шутливо мужъ и показалъ кулакъ.

— Ха, ха, ха! Ха, ха, ха! расхохоталась Дарья, широко раскрывъ ротъ и хватаясь руками за бока.

— А вамъ тутъ дядя Сидоръ хорошо живется! проговорилъ гость, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Да, ничего. Земли тоже тутъ при избѣ дается много, что хочешь, то съ нею и дѣлай. Конечно, не пашу я, не стоитъ, вся подъ лугами, за то сѣна вволю, сѣномъ хлѣбъ окупаю. Опять-же охота, шкуран промышляю, зимою и гость какой на полпути приворотитъ, особливо въ морозъ; кого водочкой угостишь, кто молочка спроситъ. Бываетъ иногда и такъ, что купчикъ ѣдетъ мимо да и оставится. «Что это за изба такая, рогатая, хочу въ ней чай пить!» Ну и хлопочешь тутъ съ нимъ. Конечно, не трактиръ у меня, не кабакъ, торговать при моей должности я не могу, а все-таки угощенье безъ благодарности не бываетъ. Какъ-нибудь да надо жить!..

Онъ вздохнулъ и продолжалъ:

— Купца еще и тѣмъ хорошо принять, что онъ чайку-то попьетъ, да кстати и весь твой пушной товаръ пойметъ. Такъ-то, сударь ты мой! Живи да изворачивайся...

Онъ задумался и потомъ продолжалъ:

— Вѣдь и должность моя не легкая. Это не то, чтобы самая служба,—служба мнѣ по душѣ, потому что идешь лѣсъ осматривать и ружье за плечи, слушаешь, не тюкаетъ-ли гдѣ топоръ, да въ тоже время птицу или звѣрька бьешь, — милѣе этого житья нѣтъ, а вотъ въ чемъ бѣда: надо между мужикомъ да начальствомъ умѣть изворачиваться. Начальство строго велитъ законъ соблюдать... понимаешь, парень, чтобы ни одного деревца, безъ билета... а мужику развѣ втолкуешь, онъ все твердитъ: «лѣсъ-отъ споконъ вѣка Господомъ всякомъ человѣку даденъ, да и по сю пору никто его не сѣетъ, переводу ему нѣту-ти, что же вы намъ запретъ кладете? Мы отъ царя-батюшки такой грамоты не видали, чтобы не смѣлъ человѣкъ лѣску на избу, аль на дрова порубить, а васъ послушать, такъ и пальцемъ двинуть безъ вашего брата нельзя». Ну, что ты будешь съ нимъ дѣлать? заключилъ Сидоръ Ивановичъ, разводя руками; — не губить же и точно человѣка за каждое дерево, потому что лѣсу тутъ во всѣ стороны не початой край,— только чернѣетъ да синѣетъ. И приходится то лгать при докладѣ, что дескать: «ваше благородіе, все обстоитъ благополучно! порубокъ не было!» То поклониться да ублажить чѣмъ ни попало; а то и мужика понудить заднимъ числомъ билетъ взять. Такъ и вертишься, словно въ томъ только и служба твоя заключается... Сидоръ Ивановичъ махнулъ рукой и засмѣялся.

Мягко, симпатично смотрѣли глаза гостя въ глаза Сидора Ивановича, ласковая улыбка озаряла лицо его. Хозяинъ подмѣтилъ это выраженіе лица слушателя. Онъ пріятельски ударилъ его по плечу и сказалъ:

— Что, парень, али рѣчь моя тебѣ по сердцу? Тутъ радъ человѣку, разболтаешься во вся. Суди самъ: иной разъ бываетъ, что кромѣ двухъ-трехъ словъ, женѣ по домашности, — не только днями, а недѣлями ходишь нѣмой, какъ рыба, будто ты не въ мірѣ живешь, а отшельникъ, схимникъ какой! И не только человѣка не видишь, а и не знаешь, что тамъ на бѣломъ свѣтѣ за нашимъ лѣсомъ, за нашими горами дѣлается. Разскажи-жъ теперь ты мнѣ про житье-бытье твое, нѣтъ-ли въ Россіи чего новаго, что на твоей родинѣ дѣлается? Да и не спросилъ я тебя до сихъ поръ, гость желанный, какъ твое имячко?

Новаго смущенія гостя Сидоръ Ивановичъ въ пылу своего благодушія не замѣтилъ.

— Зовутъ меня Павломъ, по отцу я Ивановъ, а жилъ я на свѣтѣ немного, видалъ такъ мало, что и разсказывать нечего. Вотъ развѣ про полтавскія сливы да груши вспомнишь, про борщъ съ журавлемъ да галушки...

Между хозяиномъ и гостемъ завязался оживленный разговоръ, при чемъ хозяинъ налегалъ на извѣстныя деревни и мѣстечки, а гость ограничивался общею картиною царства животнаго и растительнаго, говорилъ о климатѣ, о плодородіи земли, о красотѣ женщинъ и тутъ же кстати передалъ нѣсколько преданій о колдовствѣ и кіевскихъ вѣдьмахъ. Дарья не спускала глазъ съ гостя и хоть словъ его не слушала, будучи отъ природы и непонятливой и разсѣянной, а отъ стола уйти не хотѣла. Она чувствовала себя точно прикованной къ мѣсту, взглядъ свой точно прикованнымъ къ наружности гостя. Иногда, какъ бы для сравненія, она переводила глаза и на мужа, но тотчасъ же и отворачивалась, такъ некрасивъ онъ казался ей отъ сравненія. Чѣмъ больше всматривалась она въ гостя, тѣмъ сильнѣе испытывала какое-то странное волненіе, влеченіе къ гостю. «Экій баской», снова промелькнуло въ ея головѣ и она тяжело вздохнула, припомнивъ, какъ одинъ разъ мужъ вздулъ ее возжами за шутки съ пьянымъ купцомъ, тоже баскимъ, хотя и не такимъ, а также баскимъ. «Развѣ урвать минутку, какъ заснетъ Сидоръ», думала она, уже лежа на печи, но мужъ не засыпалъ, заснулъ напротивъ гость и захрапѣлъ во всю ивановскую. Долго ворочалась Дарья съ боку на бокъ, но при каждомъ ея движеніи только что начинавшій засыпать Сидоръ Ивановичъ спрашивалъ хозяйку: «Ты куда? Что ты?»

— Тьфу ты! сплюнула наконецъ Дарья въ отвѣтъ на одинъ изъ такихъ вопросовъ мужа и разсердилась. Чувство досады вытѣснило собой нежданный - негаданный приливъ страсти, мысленно она отмахнулась рукою и отъ мужа, и отъ гостя, сбросила съ своего плеча руку хозяина и заснула.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Время-спутникъ.

Стих. Ак. Шатохина.

Пошелъ скорѣй, товарищъ дорогой!
Нашъ страшенъ путь и тяжела дорога...
Пошелъ скорѣй, не отдыхай, не стой!
Блаженныхъ дней и счастья ждетъ насъ много...
Пойдемъ-ка въ ногу, легче такъ идти;
Быть можетъ, путь нашъ будетъ веселѣе...
Считать мы оба будемъ: разъ, два, три!
И путь пройдемъ съ тобою мы быстрѣе...

По всей дорогѣ тянутся столбы
И ихъ съ невольной радостью минуешь;
Подходишь къ нимъ и съ этой стороны
Читаешь надпись и въ душѣ ликуешь...
Но столбъ одинъ пройденъ, онъ за тобой,
Ты смотришь, сколько верстъ еще осталось,
Но цифры нѣтъ тамъ, къ счастью, никакой,
Въ грядущемъ все во мракѣ затерялось—
И много-ль верстъ, и много-ли шаговъ
Пройдти ты долженъ, путникъ, по неволѣ
И сколько суждено тебѣ столбовъ
Оставить за собой въ просторномъ полѣ!
Пути безвѣстность, даль, пространство все
Страшатъ тебя все больше и пугаютъ
И на душѣ такъ страшно тяжело,
Когда столбы передъ тобой мелькаютъ...

Пошелъ потише, путникъ дорогой!
Я спотыкаться сталъ, нога слабѣетъ,
Слѣдить мнѣ стало трудно за тобой,
Путь уже сталъ и въ воздухѣ темнѣетъ...
И вотъ подходишь тише все къ столбамъ,
И часто ихъ уже въ слезахъ минуешь:
Число велико пройденнымъ верстамъ
И ты въ душѣ все болѣе тоскуешь...

О, путникъ! слишкомъ скоро ты бѣжишь!
Постой, я за тобою не поспѣю.
Куда такъ быстро, другъ ты мой, спѣшишь?
Я съ каждымъ шагомъ больше все слабѣю.
Но путникъ глухъ къ настойчивымъ мольбамъ
И вовсе шагъ онъ свой не измѣняетъ,
Подходитъ къ полосатымъ онъ столбамъ
И, поровнявшись, вновь ихъ покидаетъ...

Я пятьдесятъ столбовъ ужь сосчиталъ
И чувствую въ себѣ упадокъ силы,
И напѣвать мнѣ вѣтеръ пѣсню сталъ
Про вѣчный сонъ и тишину могилы...
Да, я усталъ! Но все-жь мнѣ отдыхать
Не хочется; иду, не спотыкаясь,
Хочу ногою твердою ступать,
День отдыха отсрочить все стараясь...

Но грянулъ громъ, стемнѣли небеса
И молніи во мракѣ засверкали...
Нѣтъ, добрести до новаго столба
Теперь въ грозу удастся мнѣ едва-ли...

Походъ въ Албанію *).

Воспоминанія д-ра Щербака.

(*Продолженіе.*)

Глава II.

Антивари лежитъ въ узкой долинѣ, замкнутой съ трехъ сторонъ командующими горными высотами. Югозападная сторона, свободная отъ горъ, открыта къ морю. Береговая полоса ея образуетъ небольшую бухту— Антиварскій портъ, въ четырехверстномъ разстояніи отъ города. Среди долины возвышается скала съ крутыми и во многихъ мѣстахъ отвѣсными скатами. На вершинѣ ея находится крѣпость или градъ (Боръ). Три пригорода (Борботъ, Подградъ и Гретва), составляющіе вмѣстѣ съ градомъ городъ Антивари, неправильно раскинуты у подошвы скалы, среди густыхъ оливковыхъ рощей, покрывающихъ во множествѣ ущелья и склоны сосѣднихъ горъ. Сѣрыя стѣны крѣпости эпохи венеціанской республики вмѣстѣ съ бѣлѣющимися постройками новѣйшаго времени возведены такимъ образомъ, что двѣ трети ихъ высоты составляютъ каменную облицовку природной скалы, верхняя же часть служитъ брустверомъ, за которымъ скрываются стрѣлки и орудія. Кромѣ редюита и нѣсколькихъ башенъ внутри крѣпости на терасахъ тѣсно скучено до 300 домовъ, могущихъ замѣнить траверзы. Вмѣстѣ съ домами въ предмѣстьяхъ число построекъ въ Антивари доходитъ до 900. Крѣпость сообщается съ

*) См. № 42 Жив. Об.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ФАВРЕТТО (изъ Венеціи.)

Мышь! мышь! Рѣзано на деревѣ въ Барселонѣ.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинградѣ

САЛОНЪ 1879 ГОДА ВЪ ПАРИЖѢ.

КАРТИНА Ж. ГАРНЬЕ.

Возвращеніе съ праздника. Гравюра Кенеля по фототипіи.

долиной двумя воротами — съ сѣверной и юго-западной стороны. Отъ нихъ идутъ зигзагообразныя тропинки къ подошвѣ скалы. Снабженіе водой происходитъ при посредствѣ стараго водопровода, перекинутаго въ видѣ ярусанаго акведука через оврагъ на восточной сторонѣ града. Кромѣ водопровода, обитатели крѣпости могутъ пользоваться водою изъ рѣки, протекающей у южной оконечности города.

Со стороны моря Антивари защищенъ: приморской батареей Воловицы, обстрѣливающей бухту того же имени; нѣсколько поодаль отъ нея, къ западу, слѣдуетъ другая приморская батарея Голобырдо, обстрѣливающая бухту Спицца, и на самой австрійской границѣ укрѣпленная кула Чаимъ.

Кромѣ этихъ трехъ укрѣпленій, въ недальнемъ разстояніи отъ нихъ, по дорогѣ изъ Антивари въ Будуа, находятся еще два: кула Шуманы и сильный фортъ Нехай; послѣдній на высокой обнаженной скалѣ. Число жителей въ Антивари предполагалось до 3 тысячъ. Численность же войска до 1,200 человѣкъ.

Прибывъ въ Антивари, князь немедленно послалъ Пламенаца съ 6-ю батальонами впередъ по дорогѣ въ Скутари для занятія на ней позиціи въ обезпеченіе тыла осаждавшему корпусу, составленному изъ 4-хъ батальоновъ подъ начальствомъ воеводы Врбицы.

Къ воеводѣ присоединился еще одинъ батальонъ при двухъ орудіяхъ, изъ тѣхъ трехъ, что были направлены къ Мурачи. Турки произвели на эти батальоны нападеніе, но оно было отражено, вслѣдствіе чего непріятель, оставивъ свои укрѣпленія, сталъ отступать къ Скутари. Тогда два батальона черногорцевъ отправились преслѣдовать отступавшихъ; третій же пришелъ на подмогу осаждавшимъ.

Въ день прихода войска, къ вечеру, на высотахъ Крстаца послѣ тщательной рекогносцировки Боголюбова и Циклинскаго были выбраны позиціи для 10 орудій и въ ночь съ 1-го на 2-е число они были уже установлены *). Русскими орудіями командовалъ Циклинскій, при которомъ состояли 7 нашихъ фейерверкеровъ и черногорская прислуга вмѣстѣ съ прикрытіемъ.

На разсвѣтѣ 2 ноября непріятель въ крѣпости, увидѣвъ на горныхъ гребняхъ группы черногорцевъ, открылъ по нимъ сильный ружейный и артилерійскій огонь. Черногорцы, отвѣтивъ залпомъ, не торопились повторить его, но спокойно расположились на отдыхъ, утомленные быстрыми переходами съ Сутормана и ночной работой втаскиванія и установленія орудій на батареяхъ. Равнодушные къ несмолкаемому жужжанію пуль и пронзительному свисту гранатъ, они, покуривая трубки, мирно и спокойно поджидали артилерійскаго огня со стороны Циклинскаго, который, присмотрѣвшись къ амбразурамъ непріятельскихъ орудій, поставилъ себѣ первой задачей лишить атакованный фронтъ крѣпости артилерійской обороны.

Прогремѣлъ первый залпъ сосредоточеннаго огня 4-хъ русскихъ орудій... Черногорцы встрепенулись и дружно зачастили изъ ружей по заранѣе намѣченнымъ мѣстамъ. За первымъ пушечнымъ залпомъ послѣдовалъ второй. Ружейный грохотъ слился въ непрерывный. На 16-мъ выстрѣлѣ съ батареи Циклинскаго одно изъ непріятельскихъ орудій было уже подбито и смолкло. Принялись за другое. Циклинскому везло: 36-мъ выстрѣломъ было подбито другое орудіе. Въ это время фейерверкеръ Савелій Семеновъ былъ контуженъ и 8 черногорцевъ ранены. Непріятель сталъ отвѣчать съ атакованнаго фронта только 2-мя орудіями, находившимися въ нижней башнѣ крѣпости. Демонтировать эти орудія было неудобно, такъ какъ требовался большой уголъ склоненія, недопускаемый лафетомъ. Тогда стали стрѣлять по городу, куда стрѣляли уже другія черногорскія орудія. Вскорѣ выстрѣлами произведенъ пожаръ — загорѣлся большой домъ въ крѣпости. Огонь у непріятеля сталъ ослабѣвать; артилерія его отвѣчала вяло. Черногорцы торжествовали. Прибывшій на батарею воевода Врбица, поздравивъ капитана Циклинскаго, поднялъ его на ура! Ему восторжено вторили со всей черногорской позиціи. Съ этой минуты Циклинскій неизмѣримо возвысился въ глазахъ черногорцевъ, какъ самый «лепый топжіаръ» въ мірѣ.

*) Два русскихъ 9-ти ф., дист. 300 саж., 2 р. 4 ф., дист. 325 с., 6 сербскихъ, дист. 350.

На другой день, 3 ноября, князь, въ знакъ особеннаго своего расположенія къ русскому капитану, послалъ къ нему на батарею музыкантовъ, которые тотчасъ же по прибытіи, заиграли веселый маршъ. Въ началѣ игра шла довольно согласно, но вскорѣ непрерывное жужжаніе пролетавшихъ мимо пуль и свистъ гранатъ заставили музыкантовъ кивать головами и сбиться съ такта. Вмѣсто веселаго марша, выходило что-то странное, напоминающее настройку оркестра. А тутъ еще стали острить «топжіары», чѣмъ еще болѣе усилилось смущеніе игравшихъ. Наконецъ, капитанъ Циклинскій сжалился надъ несчастнымъ оркестромъ и отвелъ его въ болѣе безопасное мѣсто, гдѣ онъ совершенно оправился и началъ играть съ надлежащимъ апломбомъ. Подъ акомпаниментъ музыки Циклинскій подбилъ въ этотъ день еще одно орудіе. Толпа турокъ, собравшаяся возлѣ подбитаго орудія съ цѣлью замѣнить его другимъ, была разогнана нѣсколькими выстрѣлами шрапнелью, при чемъ 6 человѣкъ турокъ было убито. Торжественнымъ финаломъ дня, выпавшимъ на долю счастливаго капитана, былъ взрывъ порохового склада въ погребѣ на Бедемѣ.

Вслѣдъ за этимъ взрывомъ въ Антивари почти все смолкло, въ контрастъ громкому «живіо!» и «ура!» гремѣвшихъ на черногорскихъ позиціяхъ. Однако, къ вечеру непріятель снова открылъ жестокую ружейную перестрѣлку по черногорцамъ, выбивъ у нихъ при этомъ изъ строя 10 человѣкъ.

Слѣдующіе дни, 4 и 5 числа, черногорскіе артилеристы стрѣляли исключительно по городу, стараясь произвести, какъ можно больше разрушенія въ постройкахъ.

Въ промежутокъ бомбардировки Антивари, капитанъ Шадурскій съ помощникомъ своимъ сапернымъ унтеръ-офицеромъ Яшки и нѣсколькими черногорцами, розыскавъ начало водопровода, находившагося въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ крѣпости, взорвалъ его динамитомъ *). Продолжая дальнѣйшую рекогносцировку, Шадурскій съ своимъ отрядомъ въ ночь на 5 число приблизился къ самой крѣпости, недалеко отъ того мѣста, гдѣ кончается акведукъ. Пользуясь темнотой и нѣкоторымъ прикрытіемъ, которое представляли арки водопровода, капитанъ рѣшился на отважную попытку: произвести брешь въ крѣпостной стѣнѣ у воротъ, прикрывающихъ съ поля входъ въ редюитъ. Съ этою цѣлью, снабдивъ Яшки и нѣсколькихъ черногорцевъ 507 фунтами динамита, онъ направилъ ихъ къ вышеозначенному мѣсту. Чтобъ не возбудить подозрѣнія непріятельскаго часоваго, посланные, снявъ обувь, неслышно подкрались къ намѣченной цѣли и, подложивъ динамитъ, быстро отретировались назадъ за каменья подъ арку.

Прогремѣлъ взрывъ... Часть стѣны, выбитая динамитомъ, образовала широкую пробоину... Со стѣнъ крѣпости посыпался градъ пуль, не причинившій однако никому вреда, такъ какъ турки въ темнотѣ не могли различить непріятеля, да къ тому же и арка частію прикрывала его.

*) Взрывъ водопровода особенныхъ послѣдствій не имѣлъ; какъ оказалось потомъ, у турокъ въ крѣпости находились цистерны и родникъ.

Когда выстрѣлы поутихли, Шадурскій со своимъ отрядомъ благополучно удалился отъ крѣпости.

Это отважное предпріятіе личной инициативы Шадурскаго дальнѣйшихъ послѣдствій не могло имѣть, потому что князь былъ противъ штурма крѣпости. Не успѣлъ непріятель оправиться отъ неожиданнаго взрыва и усилить бдительность на стѣнахъ, какъ въ слѣдующую ночь новое происшествіе повергло его еще въ большее смущеніе. Дѣло въ томъ, что десяторъ негушскаго батальона, Марко Савичъ, возымѣлъ страстное желаніе украсть знамя съ турецкой цитадели. Не откладывая своего намѣренія въ долгій ящикъ, онъ въ слѣдующую же ночь послѣ операціи съ динамитомъ подкрался къ крѣпости и при посредствѣ зазубреннаго шеста вскарабкался на стѣну, затѣмъ снялъ знамя съ древкомъ, подвязалъ его къ спинѣ и тѣмъ же путемъ ушелъ обратно въ свой шанецъ.

Можно себѣ представить изумленіе непріятеля, когда на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, онъ замѣтилъ свое знамя, развѣвающимся на черногорскомъ шанцѣ! Да и сами черногорцы были немало удивлены юначествомъ Марко Савича. Самъ же Марко, спокойно стоя среди своихъ собратій, осыпавшихъ его восторженными похвалами, поглядывалъ съ чувствомъ собственнаго достоинства на турецкую крѣпость. Когда первая минута восторга поутихла, черногорцы начали выкликивать турокъ и, отложивъ въ сторону ружья, принялись награждать врага самыми ѣдкими и обидными остротами. Тѣ, конечно, имъ не уступали. Перепалка остротами длилась однако не долго, обѣ стороны вскорѣ разругались и снова принялись за ружья.

Эпизодъ со знаменемъ, взятымъ у осажденнаго непріятеля, почти за 2 мѣсяца до его сдачи, есть единственный въ черногорскихъ сказаніяхъ о ихъ войнахъ. Этотъ подвигъ беззавѣтнаго юначества, вмѣстѣ съ паденіемъ Гаранска, разбитіемъ турокъ въ Езерахъ, взятіемъ Дульцино и др., составляютъ выдающуюся героическую сторону народной эпопеи войны 77 и 78 года.

Глава III.

Для обезпеченія тыла осаждавшимъ со стороны моря, на случай прибытія непріятельскаго флота, было необходимо завладѣть береговыми укрѣпленіями, которыя могли бы составить опорные пункты турецкому десанту. Между этими укрѣпленіями на первомъ планѣ стояла Воловица, на которую и было обращено главное вниманіе князя. Въ ночь съ 3 на 4 князь назначилъ штурмъ ея, но къ удивленію черногорцевъ укрѣпленіе оказалось безъ защитниковъ, которые заблаговременно скрылись въ городъ, такъ что Воловицу взяли безъ сопротивленія. Черногорцы нашли въ ней 2 чугунныя, гладкія, бомбовыя пушки 9-ти дюймоваго калибра, бронзовое 24 фунт. орудіе, бронзовую коронаду 9-ти дюймоваго калибра и 3 бомбовыя пушки безъ лафетовъ. Кромѣ того, въ погребахъ батареи хранилось множество сферическихъ снарядовъ, запасъ разнаго продовольствія и немного пороху.

Пріообрѣтеніемъ Воловицы черногорцы фактически завладѣли моремъ. Въ ознаменованіе такого важнаго событія, заключавшаго въ себѣ исполненіе давно излюбленной мечты черногорцевъ, князь, не смотря на всю свою нелюбовь къ водѣ, сѣлъ въ лодку съ полковникомъ Боголюбовымъ и съ консуломъ Іонинымъ и медленно проплылъ вдоль берега при дружныхъ ружейныхъ залпахъ и несмолкаемыхъ крикахъ «живіо» черногорцевъ.

Утромъ 4 числа сдалась безъ сопротивленія небольшая кула Шушаны съ 15 чел. гарнизона. Такимъ образомъ, два непріятельскихъ укрѣпленія, захваченныя черногорцами, обошлись имъ безъ всякихъ потерь.

Вслѣдъ за взятіемъ Воловицы и Шушанъ

князь получилъ извѣстіе, что турки поспѣшно снаряжаютъ нѣсколько броненосцевъ для отправки въ Антивари. На ряду съ этимъ непріятнымъ сообщеніемъ гонецъ отъ Пламенаца принесъ еще болѣе непріятную вѣсть о передовомъ черногорскомъ отрядѣ, который потерпѣлъ пораженіе у Анатолити. Причина неудачи, главнымъ образомъ, заключалась въ томъ, что авангардъ Пламенаца *), раздѣлившись на 3 колоны, по 2 четы каждая, долженъ былъ завладѣть передовыми укрѣпленіями турокъ у Анатолити. Не зная хорошо мѣстности, колоны разбрелись въ разныя стороны, такъ что на Анатолити, вмѣсто 600, напало только 200 человѣкъ, которые были встрѣчены убійственнымъ огнемъ 4-хъ батальоновъ турокъ и 1500 башибузуковъ. Потерявъ на половину убитыми и ранеными, но захвативъ всетаки 2 непріятельскихъ значка, передовой отрядъ черногорцевъ долженъ былъ отступить. Получивъ извѣстіе о неудачѣ, князь послалъ приказаніе Пламенацу повернуть назадъ къ Антивари. Однако, приказъ свой онъ скоро отмѣнилъ, такъ какъ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ на слѣдующій день лазутчиками, непріятель не только не двинулся впередъ, но самъ отступилъ ближе къ Скутари, на гору Тарабошъ; поэтому князь отправилъ Пламенаца снова къ Катраколу, давъ ему въ подкрѣпленіе 2 батальона, находившихся до этого времени у Муричъ. Въ ожиданіи прибытія непріятельскаго флота князь командировалъ Циклинскаго на батарею Воловицу, для приведенія ея въ полное оборонительное состояніе, а затѣмъ, послѣ выбора полковникомъ Боголюбовымъ позицій для черногорцевъ въ мѣстности около моря, съ которыхъ они должны были оказывать сопротивленіе турецкому десанту, князь отдалъ распоряженіе готовиться къ атакѣ оставшихся береговыхъ укрѣпленій въ Спицкомъ округѣ. Два русскихъ 9 ф. орудій было приказано отвезти назадъ въ Суторманъ—какъ предварительная мѣра на случай снятія осады съ Антивари. Съ отвозомъ этихъ орудій подъ Антивари осталось 6 сербскихъ и одно 4 фунт. русское. Другое 4 ф. орудіе было взято для дѣйствія противъ береговыхъ укрѣпленій.

11 ноября черногорцы, по приказанію князя, хотѣли было атаковать сначала кулу Чаимъ, но она немедленно сдалась безъ всякаго сопротивленія; затѣмъ принялись за приморскую батарею Голобырдо. Послѣ незначительнаго ружейнаго и пушечнаго огня черногорцы завели переговоры съ защитниками непріятельской батареи, предлагая имъ сдаться! Гарнизонъ соглашался, но ставилъ непремѣннымъ условіемъ произвести на ихъ батарею примѣрный штурмъ. Конечно, черногорцы приняли предложеніе и въ ночь съ 12 на 13 число открыли съ громкимъ воемъ и криками батальный огонь по Голобырдо, направляя всѣ свои выстрѣлы на воздухъ. Подъ эту безвредную канонаду нѣсколько десятковъ черногорцевъ съ лѣстницами въ рукахъ быстро подошли къ батареѣ и, приставивъ ихъ къ стѣнамъ, перелѣзли внутрь ея. Такимъ образомъ, сильное укрѣпленіе Голобырдо очутилось во власти ихъ. Побѣдителямъ досталось 8 орудій **), до 800 пудовъ пороха ***), разные съѣдобные припасы и 73 человѣка гарнизона, который забрали въ плѣнъ и немедленно отправили въ Цетинье на работы.

Оставалось еще одно укрѣпленіе, сильное и почти неприступное по сосѣдству съ Голобырдо —это фортъ Нехай или Нехай-градъ. На разсвѣтѣ 13 ноября черногорцы, подойдя къ нему

*) Пламенацъ со своими войсками дошелъ до Катракола.

**) 2 бронзовыя 4 ф. нарѣзныя; 4 бронзовыя 24 ф. гладкія; 2 бронзовыя коронады и 1 бомбовая чугунная пушка.

***) Черногорцы чувствовали въ немъ крайній недостатокъ.

поближе и вызвавъ нѣсколькихъ турокъ для переговоровъ, объявили имъ, что если они сейчасъ же не сдадутся добровольно, то ихъ всѣхъ до единаго перерѣжутъ, такъ какъ это уже сдѣлано въ прошлую ночь съ упорствовавшими защитниками Голобырдо. «Кровью ихъ залита вся батарея», врали безъ запинки посланные.

Видя на Голобырдо развѣвающееся черногорское знамя, да еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ночной баталіи сосѣдняго укрѣпленія, гарнизонъ форта Нехай, въ числѣ 83 человѣкъ, не долго думая, сдался безъ всякихъ условій. Черногорцы нашли здѣсь 5 орудій *) и множество припасовъ.

Пріобрѣтеніе береговыхъ укрѣпленій вполнѣ обезпечивало тылъ черногорцевъ со стороны моря и владѣніе пространствомъ отъ Антивари до самой австрійской границы.

Тотчасъ за взятіемъ вышеозначенныхъ пунктовъ католическое населеніе этой мѣстности изъявило полную покорность черногорскому князю.

Легкость, съ которой черногорцы овладѣли почти безъ боя вышеназванными укрѣпленіями, объясняется не однимъ только малодушіемъ турокъ, но и другими причинами: рядомъ неудачъ, потерей всякой надежды на подкрѣпленіе, ожидаемое съ часу на часъ съ перваго дня осады Никшича и, наконецъ, заблужденіемъ, въ которое были введены защитники двухъ послѣднихъ, почти неприступныхъ укрѣпленій. Дѣло въ томъ, что снятіе русскихъ орудій съ позиціи для отправки ихъ въ Суторманъ и временное прекращеніе бомбардировки города, внушили туркамъ ошибочную мысль о сдачѣ Антивари, **) вслѣдствіе чего дальнѣйшее сопротивленіе казалось имъ уже безполезнымъ.

Между тѣмъ благодаря энергіи Циклинскаго и работавшихъ подъ его руководствомъ черногорцевъ, Воловица была скоро приведена въ оборонительное положеніе. Орудія были исправлены, снаряды изготовлены и снаряжены. Устроили подземный складъ; батарея была минирована Шадурскимъ на случай необходимости ея взрыва, а часть осадныхъ орудій (3 бомбовыхъ пушки и 1 гаубица), послѣ громадныхъ усилій стащены съ батареи для бомбардированія Антивари. 15-го ноября была открыта канонада изъ вновь пріобрѣтенныхъ турецкихъ орудій по собственнымъ же владѣльцамъ ихъ. Злополучный день для турокъ не былъ пріятенъ и для черногорцевъ, такъ какъ князь получилъ достовѣрное извѣстіе изъ Корфу о томъ, что турки отправили въ Антивари 2 броненосца, съ двумя транспортными судами при 28-ми батальонахъ десанта!

Хотя извѣстіе о высылкѣ турками броненосцевъ для князя не было неожиданностью, тѣмъ не менѣе его свѣтлость сильно всполошился, ***) такъ какъ вмѣстѣ съ этою вѣстью сообщалось и о громадныхъ турецкихъ силахъ, сосредоточенныхъ на Боянѣ, численность которыхъ будто бы доходила до 14,000 ****).

Въ первыя горячія минуты по полученіи этихъ извѣстій князь послалъ гонца къ Пламенацу съ приказаніемъ воеводѣ: немедленно прибыть во главѣ всѣхъ находившихся при немъ войскъ къ Антивари. Князь думалъ, что ему придется скоро бросить осаду. Однако полковнику Боголюбову удалось убѣдить князя въ безполезности и опасности этой мѣры, такъ какъ съ отозваніемъ Пламенаца открывался весь тылъ черногорскаго войска со стороны Скутари. Вслѣдствіе этого князь, согласившись съ мнѣніемъ полковника, послалъ новое распоряженіе Пламенацу: отступить немного отъ стараго мѣста и занять позицію у Доброводы, ближе къ Антивари. Затѣмъ, приказавъ усилить береговую стражу, обязанную слѣдить за появленіемъ броненосцевъ, его свѣтлость выбралъ оборонительную позицію вдоль по рѣкѣ Железницѣ на случай снятія осады и отступленія.

(*Продолженіе будетъ.*)

*) 1 бронз. 9 ф., 2 гладк. гаубицы и двѣ 6 фун. пушки.

**) Таково было объясненіе плѣнныхъ турокъ.

***) Князь, по натурѣ очень впечатлительный, весьма часто относился довѣрчиво къ самымъ преувеличеннымъ слухамъ, въ которыхъ, впрочемъ, скоро разувѣрялся.

****) Впослѣдствіи оказалось, что численность турецкихъ силъ на Боянѣ была около 7 бат , т. е. до 4.000.; на судахъ же и броненосцахъ не 28 бат., какъ сообщалось, а только 5. Всего слѣдовательно 12 бат. и 1,500 башибузуковъ, половина которыхъ разбѣжалась по домамъ.

Драмы въ воздухѣ.

В. Фонвіеля.

(*Продолженіе.*)

II.

Ураганъ.

Пока газъ, заключающійся внутри шара, даетъ воздухоплавателю крылья, ему нечего бояться бурь, которые разражаются подъ его ногами. Онъ не можетъ стать добычей урагана даже и въ томъ случаѣ, если ураганъ производитъ страшныя опустошенія на поверхности земли. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ волненіе воздуха бываетъ на столько порывисто, чтобы воздушный шаръ могъ почувствовать его. Почти всегда воздухоплаватель переносится невидимой силой, не подозрѣвая даже стремительной быстроты, съ которой онъ опережаетъ экстренные поѣзда желѣзныхъ дорогъ.

Если бы у меня не было превосходной карты съ тщательно обозначенными мѣстностями, на которыхъ только могли остановиться мои глаза, я не могъ бы повѣрить, что менѣе, чѣмъ черезъ 3 часа, по подняти моемъ изъ Парижа 25 ноября 1870 г., я былъ уже въ городской чертѣ Лозаны и что мой шаръ «Egalité» несся въ пространствѣ съ быстротою 40 миль въ часъ. Никогда я не путешествовалъ такъ спокойно, безъ малѣйшаго толчка, даже когда ѣздилъ въ качающихся вагонахъ, усовершенствованныхъ Гайри Жифаромъ.

Но положеніе совершенно измѣняется, когда лодочка приближается къ землѣ. Тогда-то между гигантомъ, называемымъ бурей, и атомомъ, рискнувшимъ своей жизнью въ области воздуха, начинается страшная, нервная борьба и часто воздухоплаватель платится за свою смѣлую попытку. Какъ зацѣпленный громадными колесами машины, онъ можетъ быть сжатъ, сплюснутъ, разорванъ въ куски. Деревья, скалы, горы, все становится его непріятелемъ, его подводными камнями. Воды рѣкъ, въ которыхъ можно только утонуть, менѣе страшны, чѣмъ мосты, о которые разбиваются воздухоплаватели. Какъ новый Мазепа, воздухоплаватель влачитъ свои вывернутые члены по лугу, пропитанному благоуханіемъ розъ. Кровь его пятнитъ непорочную бѣлизну сиреней и маргаритокъ.

Таковъ былъ конецъ большей части экспедицій, объ исходѣ которыхъ никому не было извѣстно. Руки, ноги, голова и тѣло тащатся по землѣ, цѣпляются, рвутся.

Достаточно встрѣчной довольно крѣпкой телеграфной проволоки, чтобы обезглавить однимъ ударомъ экипажъ воздушнаго шара.

Когда вѣтеръ рѣшился погубить воздухоплавателя, самые прочные якоря разлетаются въ куски, какъ стекло, самые крѣпкіе канаты перерываются, какъ хрупкая соломинка. Напрасно опытный воздухоплаватель старается сократить свои мученія, открывъ отверстіе клапана. Напрасно онъ цѣпляется изо всей силы, всею своею тяжестью за веревку, открывающую клапанъ. Даже если бы чудомъ мускульной силы ему удалось разорвать каучукъ и открыть путь для выхода газа, это не спасло бы его. Такой безпо-

лезный подвигъ можетъ только продлить его агонію. Даже если бы водородъ испарился въ атмосферѣ до послѣдняго атома, опасность смерти всетаки не миновала бы. Вмѣсто защиты встрѣчные дома явились бы для воздухоплавателя величайшей опасностью, самымъ страшнымъ препятствіемъ.

Предпріимчивый Саддеръ, который полвѣка тому назадъ совершилъ цѣлый рядъ счастливыхъ поднятій въ шарѣ, былъ раздавленъ о стѣну негостепріимнаго жилища. Тѣло его представляло до такой степени неузнаваемую массу, какъ будто онъ попалъ подъ колеса локомотива.

Одинъ изъ его сотоварищей былъ счастливѣе, но и счастію этому нельзя позавидовать. Онъ избѣгъ смерти потому только, что лодочка его ударилась въ стѣну дома, гдѣ была дверь. Она была втиснута туда съ такой страшной силой, что пришлось разобрать ее по частямъ, чтобы вынуть несчастнаго воздухоплавателя.

Потерпѣвшій крушеніе безъ сознанія лежалъ на мѣшкахъ баласта. Нѣкоторое время его считали умершимъ; однакожъ, онъ пришелъ въ себя, но на всю жизнь остался больнымъ отъ потрясенія въ его внутреннихъ органахъ, произведеннаго столь сильнымъ и неожиданнымъ толчкомъ.

Ураганъ имѣетъ свои неслыханные, невѣданные, неопредѣленые капризы. Впродолженіи лѣта и части осени, во время открытія гиподрома въ Елисейскихъ поляхъ, Камиль Дарту счастливо поднимался на воздухъ по 2 раза въ недѣлю. И только первое поднятіе было не такъ удачно. Вѣтеръ былъ такъ слабъ, что воздухоплаватель впродолженіи двухъ часовъ держался надъ Парижемъ. Когда наступавшая ночь заставила его подумать о возвращеніи на землю, поднялся сильный вѣтеръ и бросилъ его шаръ на домъ. Онъ имѣлъ только достаточно времени, чтобы вскочить на трубу дома № 9 на бульварѣ Маджента и спустился на землю черезъ окно.

Полтора года раньше этого его сотоварищъ по опытамъ Эженъ Годаръ поднялся на воздухъ въ Байонѣ передъ закатомъ солнца.

Онъ хотѣлъ перелетѣть черезъ Пиринеи, но едва успѣлъ подняться надъ горами, какъ начался сильный вѣтеръ. Тогда онъ сталъ опускаться на землю, что ему удалось только послѣ мучительныхъ трудовъ, во время которыхъ онъ и его товарищи были сильно изранены. Шаръ опустился въ окрестностяхъ Пампелуны. Въ это время въ Испаніи шла междуусобная война; карлисты бродили вокругъ Пампелуны и никто не осмѣлился выйдти изъ города. Потерпѣвшіе крушеніе, несчастные воздухоплаватели, покрытые кровью и ранами, должны были ожидать разсвѣта, чтобы отправить двухъ изъ своей среды менѣе пострадавшихъ, для отысканія помощи.

ДРАМЫ ВЪ ВОЗДУХѢ.

...Пришлось рубить деревья...

Эженъ Бонель, мой помощникъ во время осады, впродолженіи многихъ лѣтъ занимался воздухоплаваніемъ. Онъ подымался нѣсколько разъ въ Россіи на большомъ шарѣ, выстроенномъ имъ самимъ. Описаніемъ его интересныхъ приключеній можно было бы наполнить объемистую книгу.

Особенно любопытенъ его спускъ въ одномъ изъ громадныхъ лѣсовъ, покрывающихъ склоны невысокихъ горныхъ кряжей. Часа черезъ 3 послѣ поднятія Бонеля на воздухъ въ Харьковѣ, онъ рѣшился опуститься на прогалинѣ, посреди небольшихъ кустарниковъ, какъ ему показалось. Хотя окрестности были совершенно пустынны, эта операція удалась какъ нельзя лучше. И только на слѣдующій день наши воздушные путешественники встрѣтили людей. Съ трудомъ, посредствомъ знаковъ, такъ какъ никто изъ нихъ не говорилъ по русски, имъ удалось объясниться.

Но каково же было ихъ удивленіе, когда они узнали, что находятся въ очень далекомъ разстояніи отъ большой дороги; а то, что имъ сверху представлялось кустарникомъ, оказалось громаднымъ дремучимъ лѣсомъ.

Пришлось прокладывать себѣ дорогу въ чащѣ, вырубая направо и налѣво деревья, мѣшавшія проходу лодки. Русскіе крестьяне съ готовностію помогали этому необыкновенному предпріятію.

Послѣ восьми-дневнаго отсутствія воздухоплаватели возвратились въ Харьковъ, гдѣ уже сильно безпокоились объ ихъ участи и дѣлались приготовленія для поисковъ за ними.

(Продолженіе будетъ.)

Что такое капиталъ?

Въ экономической наукѣ есть два основныхъ понятія и если они усвоены вполнѣ, то будетъ вполнѣ ясна и основная сущность экономическихъ явленій. Понятія эти—трудъ и капиталъ.

Въ обыденной рѣчи капиталомъ называются деньги, но деньги также не капиталъ, какъ онѣ не богатство. Деньги не могутъ совершать ни одного изъ дѣйствій капитала, потому что сами по себѣ онѣ не пригодны ни для какого производства. Капиталомъ называются всѣ тѣ вещи или предметы, которые помогаютъ производству, т. е. доставляютъ труду всѣ необходимыя для его существованія условія. Условія же, необходимыя для существованія труда, суть пища, одежда для работниковъ, помѣщеніе для нихъ, помѣщеніе для производства, наконецъ, всѣ инструменты и матеріялы, необходимые для производства. Если же предметы или вещи не идутъ на дальнѣйшее развитіе производства, они въ экономическомъ смыслѣ капитала не составляютъ. Напримѣръ, вы фабрикантъ или другой выгодный производитель и для своего производства имѣете извѣстныя строенія, приспособленныя къ дѣлу, машины или орудія производства, матеріялъ—бумагу, шерсть, кожи, или какое нибудь другое сырье, которое вы перерабатываете, помѣщеніе для рабочихъ, склады для пищи, одежды, кладовыя, въ которыхъ хранятся изготовленные товары, наконецъ, у васъ есть еще и деньги, часть которыхъ вы обращаете на свое личное потребленіе, на воспитаніе дѣтей, на удовольствія, на содержаніе охотничьихъ лошадей или собакъ и т. д. Все это, взятое вмѣстѣ, будетъ капиталомъ. Мануфактурное зданіе, машины, склады, пища рабочихъ, будутъ составлять несомнѣнный капиталъ, ибо въ томъ или другомъ видѣ они содѣйствуютъ производству и увеличенію числа продуктовъ. Часть денегъ, которая идетъ на личное потребленіе васъ и вашего семейства и въ видѣ расходовъ на воспитаніе дѣтей, если вы изъ нихъ готовите полезныхъ работниковъ, будутъ тоже капиталомъ; но то, что вы тратите на содержаніе охотничьихъ лошадей, собакъ, или на предметы роскоши, на пиры—капиталомъ не будетъ.

Теперь предположите, что вмѣсто того, чтобы тратить свои деньги на пиры, на охоту, на собакъ, у васъ является мысль употребить ихъ на какое-нибудь экономическое предпріятіе и вы устраиваете фабрику, чтобы производить какія нибудь матеріяльныя цѣнности, которыя увеличатъ въ странѣ число полезныхъ вещей. Этой простой перемѣной назначенія своихъ новыхъ расходовъ на выгодное производство вы превращаете свои деньги, не бывшія прежде капиталомъ, въ капиталъ, ибо съ измѣненіемъ ихъ назначенія произойдетъ слѣдующая перемѣна. Прежде, когда вы кормили своихъ собакъ и охотничьихъ лошадей, когда вы имѣли для нихъ помѣщеніе, прислугу, то отъ всѣхъ расходовъ ваше отечество не получило отъ васъ ни одной полезности и всѣ ваши расходы имѣли такой же результатъ, какъ если-бы ни вашихъ собакъ, ни вашихъ лошадей вовсе не было на свѣтѣ. Мало того, всѣ расходы, которые вы дѣлали для нихъ, шли на убыточное потребленіе, всѣ рабочіе, которые приготовляли для нихъ пищу, прислуга, которая за ними ходила, трудились въ убытокъ и весь капиталъ, который пошелъ на поддержаніе ихъ труда, пошелъ тоже на убыточное производство. Теперь же, вмѣсто того, чтобы тратить пищу на собакъ и лошадей, вы отдаете ее на содержаніе вновь нанятыхъ работниковъ и все, что тратилось вами прежде непроизводительно, начинаетъ служить уже для производства полезныхъ предметовъ. Такимъ образомъ, простая перемѣна мыслей, вслѣдствіе которой ваши средства получили иное назначеніе, сообщили имъ качество полезности и превратили въ капиталъ. Слѣдовательно, сущность дѣла заключается въ томъ, чтобъ предметы или вещи были употребляемы на производство полезностей и капиталами будутъ только этого рода предметы и вещи. Конечно, могутъ быть случаи, когда пища и помѣщеніе для собакъ или охотничьихъ лошадей тоже будутъ капиталомъ, если вы, напримѣръ, отказавшись отъ охоты, лишитесь вмѣстѣ съ тѣмъ силы или способности быть полезнымъ работникомъ. Но едва-ли охотничьи собаки или лошади могутъ считаться нравственнымъ средствомъ для возбужденія и поддержанія энергіи работника.

Хотя всѣ продукты, находящіеся въ странѣ и назначаемые на производство новыхъ цѣнностей, составляютъ капиталъ, но могутъ встрѣтиться случаи, когда не всякое имущество находитъ себѣ помѣщеніе для выгоднаго производства. Напримѣръ, вы располагаете значительной суммой денегъ, которую желали бы пристроить къ какому-нибудь выгодному предпріятію. Хотя деньги эти въ данный моментъ лежатъ праздно въ вашемъ сундукѣ, но тѣмъ не менѣе онѣ все-таки капиталъ, потому что въ вашихъ мысляхъ онѣ предназначены на выгодное производство. Совершенно такимъ же капиталомъ, ожидающимъ употребленія, будутъ запасы всякихъ нераспроданныхъ товаровъ, которые могутъ быть употреблены на производство, но лежатъ безъ употребленія, потому что на нихъ не открылся еще сбытъ. Напримѣръ, у васъ есть запасы шерсти, запасы льна, хлопка, но по какимъ-нибудь причинамъ вы въ данный моментъ не можете пустить ихъ въ обработку, или же у васъ есть запасы предметовъ, пригодныхъ на непосредственное потребленіе, напримѣръ, сукна, или другія матеріи, но которыя хранятся въ вашихъ складахъ по недостатку сбыта. Не смотря на то, что всѣ эти предметы лежатъ у васъ въ складѣ, они все-таки составляютъ капиталъ, но капиталъ, сила котораго находится въ бездѣйствіи.

Такимъ образомъ, капиталомъ будутъ только тѣ предметы, которые или служатъ непосредственно для дальнѣйшаго производства, или назначены для него. Въ этомъ смыслѣ всякая собственность, неимѣющая подобнаго назначенія, не будетъ капиталомъ, хотя она и могла бы оказывать ея владѣльцу личныя услуги. Въ этомъ случаѣ капиталъ играетъ такую же роль, какъ богатство. Оно, конечно, можетъ быть, да и составляетъ дѣйствительное богатство частнаго лица, ибо даетъ ему возможность жить на счетъ процентовъ, и каждый частный человѣкъ будетъ правъ, если онъ эти деньги назоветъ своимъ капиталомъ. Но это будетъ личная точка зрѣнія, а не экономическая. Въ экономическомъ смыслѣ капиталъ есть только такое имущество, которое служитъ источникомъ общаго благосостоянія, т. е. способствуетъ увеличенію въ странѣ полезныхъ предметовъ. Конечно, и имущество частнаго лица можетъ быть капиталомъ, если оно употребляется на полезныя производства: тогда имущество это будетъ и капиталомъ страны. Если же имущество, принадлежащее лицу, служитъ только ему для прожитка, а само лице является коптителемъ неба и не создаетъ никакихъ полезностей, то его личное имущество не будетъ капиталомъ. Если подобное имущество будетъ дано взаймы лицу, которое употребитъ его съ полезными производительными цѣлями, то владѣлецъ капитала, давшаго его взаймы, можетъ считать себя настолько же полезнымъ, по своему имуществу, какъ и тотъ, въ чьихъ рукахъ оно явилось производительнымъ капиталомъ. Значитъ, весь вопросъ заключается въ такомъ полезномъ употребленіи имущества, при которомъ оно создаетъ новыя цѣнности. Въ этомъ случаѣ всякій капиталъ частнаго лица, если не онъ лично даетъ ему полезное назначеніе, а другой, является источникомъ новаго благосостоянія и будетъ капиталомъ въ экономическомъ смыслѣ. Въ этомъ же смыслѣ капиталомъ могутъ быть и займы, частные или правительственные, если они изъ рукъ, неумѣющихъ сообщить имъ полезности, переходятъ въ руки, которыя даютъ имъ выгодное назначеніе. Предположите, что вы коптитель неба и, слѣдовательно, человѣкъ расточительный. У васъ есть имущество; ну, хоть бы земельное, которое даетъ самое ограниченное число продуктовъ, да и тѣ расходуются вами съ расточительными цѣлями. Ясно, что все ваше имущество перестаетъ быть капиталомъ и превратится въ капиталъ только въ томъ случаѣ, если попадетъ въ руки умѣлыя, которыя дадутъ ему настоящую цѣнность, а слѣдовательно увеличатъ и весь народный капиталъ. Пока имущество въ неумѣлыхъ рукахъ, оно не составляетъ капитала для общества, а если, кромѣ того, продукты его проматываются, то уменьшается не только національный доходъ, но и народный капиталъ.

Совершенно подобное же явленіе можетъ повториться и съ займами государственными. Если правительство дѣлаетъ займы для производительныхъ цѣлей, напримѣръ, строитъ желѣзныя дороги, улучшаетъ пути сообщенія, открываетъ кредитъ для выгодныхъ производителей, содѣйствуетъ умственному развитію работниковъ,—всѣ эти займы будутъ капиталомъ въ экономическомъ смыслѣ. Но если займы дѣлаются, напримѣръ, для увеличенія жалованья офицерамъ, для военныхъ сооруженій, для расходовъ на войну, то хотя займы эти и достигнутъ предположенныхъ ими цѣлей, но съ точки зрѣнія производства они будутъ расходами непроизводительными, ибо не дадутъ странѣ новыхъ экономическихъ полезностей. Еще убыточнѣе для страны, если подобны-

ми займами на непроизводительное употребленіе будутъ извлечены изъ страны капиталы, которые могли бы найдти себѣ выгодное помѣщеніе. Напримѣръ, въ странѣ не всѣ имѣютъ достаточную одежду, или хорошую пищу, или какіе-нибудь другіе предметы первой необходимости, и такъ какъ оказывается недостатокъ въ подобныхъ предметахъ, то самое естественное направленіе капитала идти на ихъ производство. Вмѣсто этого капиталы отвлекаются отъ производства полезныхъ вещей и идутъ на прибавку жалованья лицамъ, не создающимъ новыхъ экономическихъ полезностей. Безъ сомнѣнія, прибавка жалованія пойдетъ тоже на удовлетвореніе надобностей, на улучшенную пищу, или одежду и, слѣдовательно, усилитъ запросъ на производство этихъ предметовъ. Но что же произойдетъ въ странѣ отъ подобнаго усилившагося спроса. Предположимъ, что страна производила тысячу четвертей пшеницы и давала занятіе ста работникамъ. Но этихъ тысячи четвертей оказывалось мало для поддержанія существованія не экономическихъ работниковъ, какъ въ нашемъ примѣрѣ тѣ, кому послѣдовала прибавка жалованья. На сумму этой прибавки должны явиться или новые дополнительные производители или прежніе производить больше. И въ странѣ, дѣйствительно, явилось бо́льшее количество продуктовъ, потратилось на нихъ бо́льшее количество труда, потратился производительный капиталъ, но новая прибавка продукта не создала никакихъ перемѣнъ въ положеніи работника, а ушла только на потребленіе такихъ лицъ, которыя не создали никакихъ новыхъ полезныхъ предметовъ. Ясно, слѣдовательно, что накопленіе или средства, которыя пошли на усиленное производство продуктовъ, не были капиталомъ и вся новая прибавка труда не пошла тоже въ капиталъ. Иначе сказать, народный капиталъ страны уменьшился.

Примѣръ этотъ особенно важенъ въ томъ отношеніи, что онъ въ наипростѣйшей формѣ указываетъ на основное значеніе капитала, какъ производительной силы. По основной своей сущности капиталъ долженъ накоплять капиталъ, создавая такіе полезные предметы, которые идутъ на производство другихъ полезныхъ предметовъ. Капиталъ есть одно изъ средствъ труда, его усиленія и его большей успѣшности, слѣдовательно, благосостояніе всякой страны будетъ зависѣть отъ того, насколько накопленіе результатовъ труда идетъ въ дѣйствительный капиталъ, создающій новыя цѣнности, а не превращается въ средство убыточнаго для общества производства. При существующихъ въ настоящее время повсюду общественныхъ отношеніяхъ, большая часть продуктовъ труда обращается на убыточное потребленіе и очень малая—въ капиталъ. Только отъ этого экономическое положеніе первыхъ производителей настолько повсюду неблистательно, что даже люди, наименѣе интересующіеся экономическими явленіями, стали на него обращать вниманіе. Ясное представленіе о роли и значеніи капитала больше всего можетъ помочь общественному сознанію для вѣрной оцѣнки капитала, не только какъ источника благосостоянія, но и какъ благосостоянія самого по себѣ. Мысль эту мы выяснимъ подробнѣе.

Было уже сказано, что капиталъ есть накопленные продукты предъидущаго труда, служащіе средствомъ для новаго производства. Какой же продуктъ является при этомъ основнымъ и безъ котораго прекращается даже самая возможность дальнѣйшаго производства. Этотъ основный продуктъ есть скопленные запасы пищи, безъ которыхъ немыслимъ никакой трудъ. Значеніе пищи, какъ капитала, не всѣми понимается съ достаточною ясностью. Во многихъ вещахъ человѣкъ можетъ ограничить свои желанія; но пища ему необходима абсолютно. Качествомъ пищи обусловливаются силы работника, а, слѣдовательно, и количество произведенной имъ работы. Для объясненія роли пищи въ работѣ мы укажемъ читателю на примѣръ, можетъ быть, ему уже и извѣстный. Чтобы строить свою сѣверную линію, французы пригласили англійскихъ рабочихъ. Работавшіе съ ними рядомъ французскіе рабочіе пива не получали, а мяса получали гораздо меньше и работа ихъ была меньше по количеству и хуже по качеству. Но вотъ и французскимъ рабочимъ начали отпускать такую же порцію, какъ англичанамъ, и они стали работать также хорошо, какъ англичане. Совершенно тоже было замѣчено и у насъ, такъ что нынѣшніе подрядчики уже не гонятся за экономіей на пищѣ рабочихъ. Имъ извѣстно, что чѣмъ лучше кормить рабочаго, тѣмъ онъ и работаетъ лучше. Этотъ частный примѣръ примѣняется и къ народамъ. Чѣмъ лучшую пищу имѣетъ страна и масса ея рабочаго населенія, тѣмъ выше ея производительный трудъ, ибо капиталъ порождаетъ капиталъ. Есть мѣстности, въ которыхъ по климатическимъ условіямъ пища рабочихъ не требуется въ такомъ изобиліи. Напримѣръ, бедуинъ счастливой Аравіи удовлетворяется вполнѣ небольшой порціей фиников. Но въ мѣстностяхъ холодныхъ и суровыхъ, которыхъ природа не особенно щедра, и гдѣ суровый климатъ требуетъ большаго развитія животной теплоты, пища должна быть питательная и сильная и накопленіе ея запасовъ настолько изобильно, чтобы производитель не могъ встрѣтить задержки своему труду отъ недостатка пищи.

Конечно, подспорьемъ пищѣ служитъ хорошая одежда и хорошее жилье. И въ этомъ отношеніи весьма важную роль играетъ положеніе страны. Населеніе, живущее въ мѣстностяхъ болѣе теплыхъ, можетъ обойдтись и болѣе простой одеждой, но чѣмъ страны холоднѣе, тѣмъ и та часть капитала, которую образуютъ одежда и жилье, должна возмѣщать болѣе неблагопріятныя климатическія вліянія. Напримѣръ, для жителя архангельской губерніи теплая одежда и хорошо устроенное жилье гораздо важнѣе, чѣмъ для того же бедуина счастливой Аравіи, который можетъ обойдтись однимъ фиговымъ листочкомъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно жилища. Чѣмъ полнѣе удовлетворенъ человѣкъ своей одеждой и жильемъ, тѣмъ, конечно, онъ меньше нуждается въ пищѣ, а слѣдовательно и страна можетъ производить ея меньшее количество.

Подобную же роль играютъ и всѣ остальные предметы, необходимые для поддержанія силъ работника и для сохраненія его здоровья. Чѣмъ выше его матеріяльное обезпеченіе, чѣмъ лучше вся обстановка его жизни, чѣмъ лучше сохраняется его здоровье, тѣмъ выше будутъ и всѣ его производительныя качества. Слѣдовательно, ясно, что весь производительный трудъ страны долженъ быть направленъ главнѣйше на то, чтобы довести до высшаго размѣра ту часть общаго капитала, которая образуется изъ пищи, жилья, одежды и вообще всѣхъ матеріяльныхъ удобствъ жизни, которыя даютъ рабочему наивысшую энергію, силу и крѣпость.

Въ большинствѣ случаевъ этотъ народный капиталъ бываетъ слабъ только потому, что значительная часть производительныхъ силъ страны обращена на производство не продуктовъ, пригодныхъ служить капиталомъ, а на производство предметовъ для убыточнаго потребленія и на содержаніе убыточныхъ производителей и потребителей. Поэтому для общей экономіи особенно важно, чтобы всѣ продукты труда обращались въ капиталъ для дальнѣйшаго производства. Конечно, о подобномъ пониманіи обществомъ своихъ интересовъ въ настоящее время позволительно только мечтать, но нужно думать, что по мѣрѣ развитія правильныхъ понятій объ экономическихъ явленіяхъ будетъ измѣняться къ лучшему и современная неудовлетворительная практика. Поэтому мы еще разъ повторимъ высказанное въ началѣ статьи положеніе, что отъ качества нашихъ мыслей зависитъ, чтобы одно и тоже накопленіе продуктовъ явилось бы или не явилось капиталомъ. Стремленіе къ подобнаго рода мыслямъ должно быть воспитано въ обществѣ, ибо только по мѣрѣ распространенія правильныхъ экономическихъ понятій можетъ усиливаться и рости общее благосостояніе. Конечная задача, разумѣется, въ томъ, чтобы всѣ продукты страны получали значеніе капиталовъ и наибольшаго развитія достигала бы именно та часть капитала, которую составляютъ пища, одежда, жилище работника и все то, что необходимо для развитія и поддержанія въ немъ силы и энергіи.

Остальныя части капитала, служащія посредствующей силой между трудомъ и предметомъ труда, играютъ тоже важную роль при производствѣ богатствъ, ибо даютъ возможность достигать однихъ и тѣхъ же цѣлей съ меньшею затратою силъ. Въ числѣ этихъ предметовъ орудія производствъ занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Орудіями производствъ считается все то, что помогаетъ человѣку совершать его промышленные процесы, слѣдовательно, чѣмъ совершеннѣе орудія производства, тѣмъ будетъ совершеннѣе и процесъ. Не все равно, обработывать-ли землю простой палкой, или паровымъ плугомъ. Поэтому понятно, что общественные порядки должны быть такого рода, чтобы страна имѣла возможность довести до наибольшей силы ту часть ея капитала, которая заключается въ ея орудіяхъ, ибо чѣмъ несовершеннѣе орудія производства, тѣмъ несовершеннѣе и трудъ, или точнѣе, большая затрата силъ производитъ несоотвѣтственное количество продукта. Чтобы дикарь, обработывающій землю палкой, получилъ такое же количество продуктовъ, какое добудетъ земледѣлецъ, обработывающій землю паровымъ плугомъ, ему нужно затратить своихъ силъ въ тысячу разъ болѣе, а если количество его работы будетъ одинаково, то онъ получитъ продукта въ тысячу разъ менѣе.

Средства сообщенія, какъ желѣзныя дороги, пароходы и т. д., имѣютъ настолько значеніе капитала, насколько они въ дѣйствительности содѣйствуютъ производству. Такимъ же капиталомъ являются телѣги и другія перевозочныя средства, созданныя трудомъ человѣка. Такъ какъ капиталъ есть накопленіе продуктовъ труда, то ясно что такія перевозочныя средства, которыя не созданы трудомъ, не будутъ капиталомъ. Поэтому Волга, какъ несозданная человѣческимъ трудомъ, не будетъ капиталомъ, а пароходы, по ней плавающіе, будутъ капиталомъ. Но если для расчистки Волги и для превращенія ея въ средство сообщенія потребовался бы человѣческій трудъ, она была бы настолько капиталомъ, насколько на нее потратилось труда. Тоже самое нужно сказать и о силахъ природы, которыя иногда бываютъ капиталомъ, а иногда нѣтъ. Вѣтеръ, гуляющій въ полѣ, не капиталъ, рѣчка, текущая въ долинѣ въ естественномъ руслѣ, тоже не капиталъ, но если человѣкъ запретъ ее плотиной и заставитъ вертѣть мельничное колесо, то она превращается въ капиталъ. Паръ, отдѣляющійся изъ котла съ кипящей водой, не капиталъ, но если его запереть въ машину и заставить приводить ее въ движеніе, онъ будетъ капиталомъ. Тоже самое можно сказать и о животныхъ. Когда мустангъ бѣгаетъ въ своей родной преріи, онъ, конечно, не капиталъ, но когда вы его обуздаете и заставите производить полезную работу, онъ будетъ капиталомъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ животныя, на укрощеніе и прируче-

ніе которыхъ человѣкъ потратилъ свой трудъ, составляютъ капиталъ.

Полагаемъ, что всѣ эти подробности, въ которыя мы вдались, совершенно достаточны, чтобы читатель составилъ себѣ понятіе, что капиталъ вовсе не деньги, а продукты, назначаемые на дальнѣйшее производство, что изъ разныхъ частей капитала самую существенную и абсолютно необходимую составляетъ пища, одежда и жилье, что качествомъ ихъ опредѣляется качество работника и количество и качество его труда, что только отъ того назначенія, которое мы даемъ продуктамъ труда, зависитъ быть-ли имъ капиталомъ, или же остаться источникомъ убыточнаго производства на убыточное потребленіе, что, наконецъ, отъ количества предметовъ, имѣющихъ выгодное назначеніе, зависитъ размѣръ народнаго капитала и чѣмъ больше этотъ капиталъ, тѣмъ богаче народъ и тѣмъ онъ имѣетъ возможность больше производить и больше богатѣть.

Золото и имя.

(Романъ г-жи **Шварцъ**.)

(*Продолженіе.*)

X.

Существованіе маркизы прекратилось, когда первые лучи солнца освѣтили Тимасіо. Эльвира стояла на колѣняхъ, крѣпко держа холодную руку покойницы въ своихъ рукахъ и прислонясь головою къ краю постели.

Дверь тихо отворилась, вошелъ Эдвинъ.

— Эльвира, прошепталъ онъ, подходя къ ней.

Она не шевелилась, онъ положилъ руку на ея плечо, она не перемѣнила положенія; испуганно приподнявъ ея голову, онъ увидалъ, что она безъ чувствъ. Эдвинъ поднялъ ее на руки и вынесъ изъ комнаты, приказавъ послать за докторомъ; Армида объявила, что сама будетъ ухаживать за больной. Докторъ очень безпокоился сначала объ исходѣ болѣзни Эльвиры, вслѣдствіе окончательнаго упадка ея силъ; однако, отъ природы здоровая организація Эльвиры побѣдила и она, къ удивленію доктора, стала живо поправляться.

Армида постоянно находилась при больной, пока та лежала въ постели; Эдвинъ также провелъ у нея два первые дня, но удалился, когда Эльвира, придя въ себя, сильно волновалась въ его присутствіи.

Маркизу, по ея желанію, похоронили въ Тунаакерѣ, недалеко отъ Тимасіо.

— Я не хочу, чтобы мое тѣло везли въ Англію, сказала она Эдвину; — около твоего отца лежитъ его жена, я нарочно пріѣхала умирать сюда; на родинѣ нѣтъ никого, кто бы любилъ меня: ты никогда не показывалъ расположенія ко мнѣ, Эдвинъ. Здѣсь же я нашла существо, которое не пройдетъ равнодушно мимо моей могилы, потому и хочу я заснуть вѣчнымъ сномъ въ землѣ ея предковъ.

Въ концѣ сентября Эльвира въ первый разъ вышла изъ комнаты. Она знала, что полковникъ Стангенскіольдъ съ дочерью сдѣлали визитъ въ Тимасіо; она получила ихъ карточки, но, бывъ въ постели, не могла принять гостей. Эдвинъ, по словамъ Армиды, старался всѣми силами долѣе задержать ихъ. Это и многое другое внушало Эльвирѣ непріятное чувство и боязнь встрѣчи съ мужемъ, почему она откладывала свой выходъ изъ комнаты и вышла нѣсколькими днями позже, чѣмъ ей позволилъ это докторъ.

Эльвира ждала и надѣялась, что Эдвинъ, узнавъ отъ доктора насколько она поправилась, зайдетъ къ ней, но напрасно. Ни одного вопроса не сдѣлала она о своемъ мужѣ; докторъ, правда, каждый разъ говорилъ съ нею отъ имени Эдвина, но она понимала, что это дѣлалось для соблюденія формальности.

Армида съ прежнею предупредительностью ухаживала за Эльвирою; она украшала комнату больной свѣжими цвѣтами, читала ей вслухъ, однимъ словомъ, старалась выказывать ей расположеніе и дружбу. Наконецъ, Армидѣ удалось уговорить Эльвиру исполнить совѣтъ доктора прогуляться въ паркѣ.

Эльвира, облокотясь на руку Армиды, пошла къ морскому берегу; имъ пришлось идти мимо того мѣста, гдѣ Эльвира имѣла разговоръ съ Карломъ. Сколько горькихъ и страшныхъ минутъ причинилъ ей этотъ разговоръ! Какъ постоянно мучили ее слова Карла. Какъ умоляла она Лотти объяснить ихъ! Лотти отвѣчала, что слова Карла — низкая выдумка.

Смущенный, взволнованный видъ Лотти при разсказѣ Эльвиры объ этомъ разговорѣ, ея сердитыя увѣренія, что это ложь, далеко не успокоили молодую женщину, а скорѣе убѣдили ее въ справедливости словъ Карла. Эльвира пришла къ убѣжденію, что съ ея рожденіемъ связана какая-то тайна. Мысленно переживая прошлое, она припоминала отрывочныя фразы, сказанныя Бромеромъ въ минуту забывчивости, значенія которыхъ она не понимала, но теперь они получали смыслъ и внушали ей невольный страхъ. Видя, что мольбы ея къ Лотти напрасны, Эльвира замолчала. Ей казалось, что призракъ, предсказывавшій ей горе, стоитъ на ея пути, чтобы схватить ее и столкнуть въ бездну униженія — ее, принесшую столько жертвъ для полученія уважаемаго имени. Единственная подпора Эльвиры, маркиза, умерла; вѣрная няня имѣла тайну, стоявшую между ними; Сидней, честный, неподкупный другъ, удалился изъ Швеціи, мужъ же нисколько не заботился о томъ, жива она или умерла, а предоставлялъ ее уходу Армиды и надзору м-съ Бровъ. Съ самаго дня смерти маркизы Эльвира была жертвою необъяснимаго страха. Боясь будущаго, она была несчастлива въ настоящемъ.

«Если Карлъ сказалъ правду и я дѣйствительно дитя, рожденное въ тюрьмѣ отъ преступной матери, тогда... о, тогда я недостойна носить его имя и онъ, вѣрно, прогонитъ меня отъ себя». При этой мысли Эльвира заливалась слезами, эти слезы и удалили Эдвина изъ комнаты больной. Она чувствовала себя одинокою и покинутою и мрачное уныніе наполняло ея душу. «Какъ жаль, что я не умерла, думала она, садясь съ Армидою на скамейку у морского берега. — «Жизнь такъ пуста и мрачна».

Армида говорила ей о своей радости, что снова гуляетъ съ нею, но Эльвира ничего не слышала. Черезъ часъ Армида предложила вернуться домой изъ боязни простуды отъ долгаго сидѣнія. Эльвира покорно послѣдовала за нею.

Когда онѣ шли назадъ, Армида, услыхавъ голоса, вдругъ остановилась и сказала съ безпокойствомъ:

— Дорогая Эльвира, вернемся назадъ!

— Зачѣмъ? спросила Эльвира.

— Мы встрѣтимъ особъ, которыхъ ты видимо избѣгаешь. Къ тому же тебѣ еще вредно много разговаривать...

— Нисколько, прервала ее Эльвира и блѣдныя щеки ея покрылись слабымъ румянцемъ. — Пойдемъ, я желаю продолжать прогулку по этому направленію. Я придерживаюсь правила не измѣнять разъ принятому рѣшенію, чтобы изъ этого ни вышло.

Армида, сдѣлавъ еще нѣсколько возраженій, принуждена была покориться.

Эльвира узнала эти голоса. Еще нѣсколько шаговъ, и мужчина и женщина показались между деревьями; это были Марта Стангенскіольдъ и Эдвинъ Кастертонъ. Лице послѣдняго далеко не выражало удовольствія, что не помѣшало ему остановиться и сказать нѣсколько любезныхъ словъ, представляя леди Кастертонъ дѣвицѣ Мартѣ.

Поздоровавшись съ Эльвирою, Марта наговорила ей, не переводя духа, кучу свѣтскихъ любезностей. Она выразила участіе къ потерѣ Эльвиры; съ грустью услыхала она о ея болѣзни, отъ души радовалась, какъ ея выздоровленію, такъ и возможности ближе познакомиться съ нею.

Эльвира холодно, но вѣжливо, отвѣчала на всѣ эти милыя фразы. Попросивъ лорда не стѣсняться и проводить жену, Марта удалилась, обѣщавъ вскорѣ пріѣхать, чтобы навѣстить Эльвиру. Манеры Марты были изысканно пріятны, просты, непринужденны, что, конечно, происходило отъ воспитанія и привычки вращаться въ свѣтѣ. Она была идеально хороша и кружила голову мужчинамъ, затемняя другихъ женщинъ.

Эдвинъ, оставшись съ женою, долго провожалъ глазами прелестную дѣвушку.

Молча принявъ предложенную руку, Эльвира пошла съ мужемъ въ сопровожденіи Армиды. Возвратясь домой, она въ первый разъ послѣ смерти маркизы сѣла за столъ; на лицѣ ея не оставалось тѣни унынія и безнадежности; выраженіе его было рѣшительно, ея обычная энергія возвратилась къ ней.

На другое утро лордъ Кастертонъ послалъ спросить Эльвиру, можетъ-ли она принять его, но не дождавшись отвѣта, онъ вскорѣ самъ вошелъ въ комнату.

Эльвира сидѣла передъ письменнымъ столомъ; увидавъ Эдвина, она поспѣшно встала.

— Я не дождался позволенія посѣтить васъ, сказалъ Эдвинъ; — я былъ заранѣе увѣренъ, что вы не откажете мнѣ. Я давно желалъ переговорить съ вами, но меня удерживала боязнь повредить вашему слабому здоровью. Надѣюсь, теперь вы настолько поправились, что безопасно можете перенести всякій разговоръ.

— Я въ этомъ увѣрена, отвѣчала Эльвира. — Я тоже намѣревалась сообщить вамъ кое-что. Когда вы вошли, я только что собиралась отправить къ вамъ письмо.

— Въ такомъ случаѣ, прошу позволить мнѣ прочесть его.

— Теперь, когда мы можемъ лично объясниться, письменное сообщеніе напрасно, сказала Эльвира, разрывая письмо. — Я готова выслушать васъ, а затѣмъ наступитъ моя очередь.

— Мнѣ кажется, началъ Эдвинъ серьезнымъ тономъ, — своевременно, черезъ два года послѣ замужества, объяснить наши взаимныя отношенія...

— Они давно объяснены, милордъ, живо прервала его Эльвира: — супруги для свѣта, чужіе другъ для друга.

— Вы захотѣли такъ, но неизвѣстно еще, одобряю-ли я это.

— Вы однако никогда не дѣлали возраженій.

— Справедливо, я и теперь не дѣлаю ихъ, но все-таки мнѣ кажется, я имѣю права, о которыхъ вы мнѣ позволите упомянуть.

— Права, милордъ! воскликнула Эльвира, гордо взглянувъ на него.

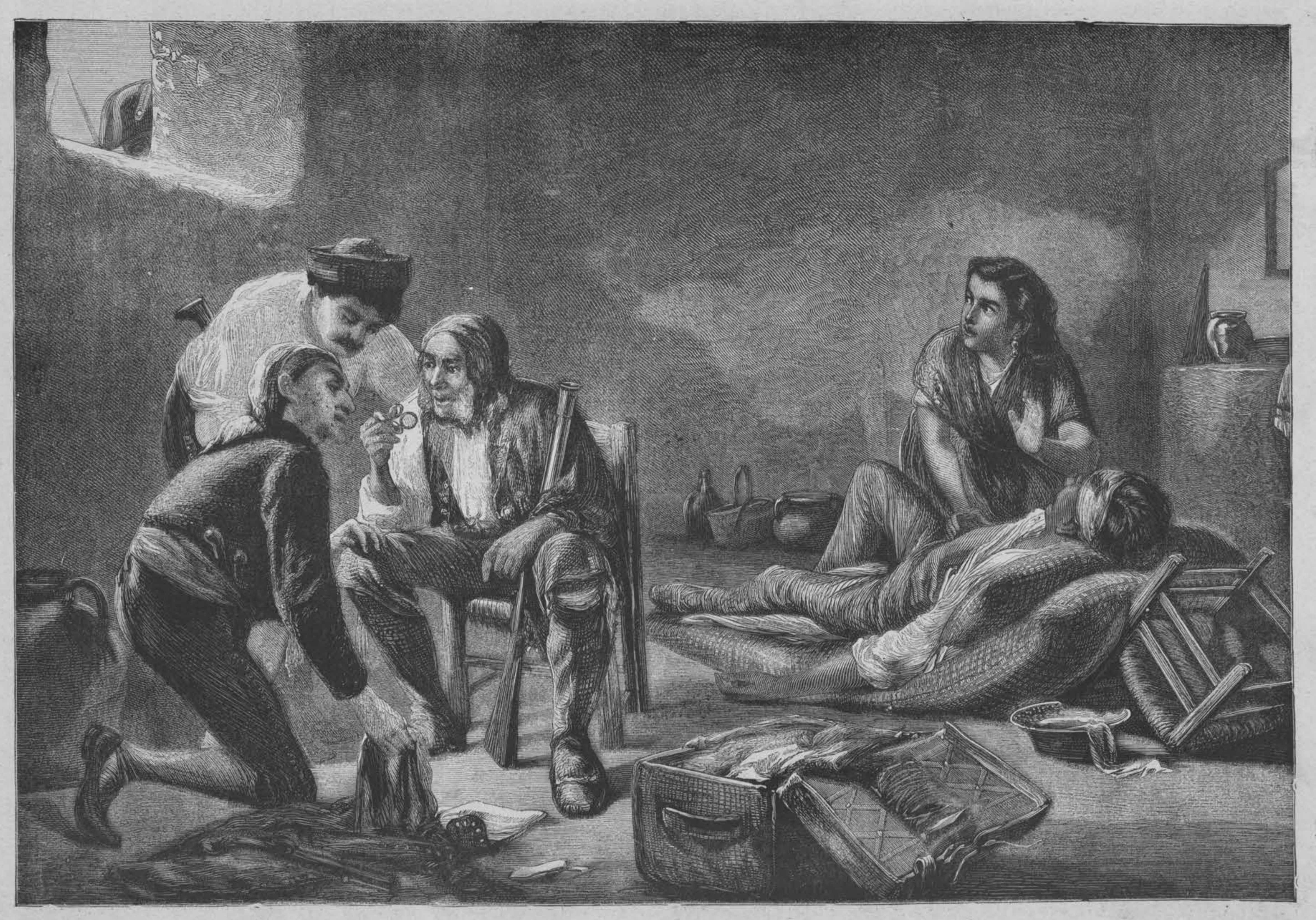
— Вы сейчасъ сами принуждены будете признать ихъ, сказалъ Эдвинъ. — Вы носите мое имя; это даетъ мнѣ право требовать отчета въ вашихъ поступкахъ, а также узнать побудительную причину, заставившую васъ принять мое имя.

— Главная причина, побудившая меня сдѣлаться лэди Кастертонъ, вамъ извѣстна.

Выговоривъ эти слова, Эльвира сильно поблѣднѣла.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Г. Вильямса.

Испанскіе разбойники. Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

ВЫСТАВКА ВЪ „ХРУСТАЛЬНОМЪ ДВОРЦѢ", 1879 Г.

КАРТИНА КАРЛА БАУЕРЛЕ.

Деревенская дипломатія. Рѣзалъ на деревѣ **Робертсъ** въ Лондонѣ.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

— Прошу васъ выслушать меня, продолжалъ Эдвинъ, закрывая лобъ рукою.—Сначала я предполагалъ, что вы рѣшились на этотъ шагъ изъ высокомѣрія, сильнаго честолюбія или желанія занять видное мѣсто въ обществѣ; теперь только понялъ я свою ошибку. Васъ побуждало другое чувство.

— Какое же это чувство? спросила Эльвира.

— Любовь! отвѣчалъ Эдвинъ.

Эльвира упала на диванъ, закрывъ лице руками.

— Вы можете не подтверждать словами того, что мнѣ уже извѣстно, продолжалъ Эдвинъ.— Ваше волненіе ясно доказываетъ справедливость моихъ словъ. Вы рѣшились быть моей женой, разсердясь на любимаго человѣка; вы не желали, чтобы онъ могъ догадаться, какъ сильно вы страдаете отъ измѣны, и изъ мести дали мнѣ слово.

При этихъ словахъ Эльвира подняла голову и совершенно спокойно посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Вы вполнѣ правы, поступая со мною такимъ образомъ, продолжалъ онъ, — потому что мужчина, предлагающій свою руку женщинѣ при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ предложилъ вамъ ее я, не имѣетъ права требовать любви и привязанности; но все же онъ можетъ желать, чтобы его жена не забывала уваженія, должнаго его имени, и не поддавалась чувствамъ, хранящимся въ глубинѣ сердца. Разъ выйдя замужъ, она не имѣетъ права позволять постороннему человѣку говорить съ нею о любви.

— Развѣ я позволила себѣ что-нибудь подобное? спросила Эльвира.

— Предоставляю вашей совѣсти отвѣтить вамъ.

— Вы не были такъ сдержаны, если бы я позволила себѣ что-нибудь недостойное вашей чести, гордо сказала Эльвира.—Я требую, чтобы вы указали мнѣ, что сдѣлала я такого, что могло оскорбить васъ. Докажите, если можете?

— Отвѣтьте мнѣ сначала, существовала между вами и Карломъ Брогреномъ нѣжная привязанность.

— Да, я была къ нему привязана еще дѣвочкою, сказала Эльвира, покраснѣвъ.

Просто, не скрывая истины, разсказала она про свою любовь къ Карлу. Эдвинъ внимательно слушалъ, не прерывая подробнаго описанія первой дѣтской любви молодой дѣвушки. Когда Эльвира замолчала, онъ спросилъ ее:

— Значитъ, вы любили этого человѣка?

— Къ нему первому почувствовала я привязанность, отвѣчала Эльвира.

— Эта привязанность снова пробудилась; вы встрѣчались съ нимъ, бывши уже замужемъ, получили отъ него письмо и отвѣчали ему.

— Я одинъ разъ говорила съ нимъ и отвѣтила на одно письмо.

— Это было совсѣмъ лишнее, вскричалъ Эдвинъ строго. — Почеркъ леди Кастертонъ въ рукахъ мужчины, котораго она когда-то любила,— позоръ для ея мужа. Если бы вы понимали, чѣмъ обязаны себѣ и мнѣ, то никогда не позволили бы себѣ назначать свиданія г. Брогрену и шептаться о любви, оскорбляющей васъ и меня. Вы...

— Лордъ Кастертонъ! прервала его Эльвира, гордо поднявшись,—взвѣшивайте ваши слова и не забывайте, что я также вправѣ требовать отъ васъ уваженія.

— Я никогда не рѣшусь этого забыть, но вмѣстѣ съ тѣмъ помню, чѣмъ обязанъ своему имени. Вы желали жить со мной въ разлукѣ, я согласился, но съ условіемъ, чтобы вы не забывали о моей чести. Вы говорите, что только разъ встрѣтились съ г. Брогреномъ... неправда, разъ встрѣтились вы съ нимъ въ павильонѣ у вашей няни, во-второй разъ я самъ видѣлъ, какъ онъ уходилъ со свиданья съ вами. Я молчалъ во время болѣзни маркизы и вашей, теперь же нахожу необходимымъ попросить васъ быть обдуманнѣе въ вашихъ поступкахъ.

Эльвира, холодно смотря на него, молча выслушала до конца, но высоко подымавшаяся грудь ясно доказывала, что она далеко не такъ спокойна, какъ казалась на видъ.

— Съ какою цѣлью говорили вы? спросила она.

— Съ цѣлью просить васъ быть осторожнѣе въ будущемъ или измѣнить своему рѣшенію жить со мною въ разлукѣ, отвѣчалъ Эдвинъ уже менѣе жесткимъ тономъ. — Чувствамъ нельзя приказывать, но все же можно дѣйствовать такъ, чтобы чувство и долгъ не приходили въ столкновеніе.

— Справедливо, но мнѣ кажется, что до сихъ поръ я не виновата ни въ какомъ проступкѣ. Вы, милордъ, такъ несправедливо осуждающій меня, не постарались даже вникнуть хорошенько въ дѣло. Признавая за собою право произносить строгій приговоръ надо мною, всегда-ли вы сами поступали согласно чести и долгу? Я только спрашиваю, не жалуясь, не осуждая васъ. Прочитавъ эти письма, вы сами рѣшите, когда успокоитесь, справедлива-ли я!

Вынувъ пачку писемъ изъ письменнаго стола, Эльвира протянула ихъ Эдвину.

— Содержаніе этихъ писемъ, продолжала Эльвира, — мнѣ извѣстно съ перваго дня болѣзни маркизы; черезъ нихъ узнала я, что вы любите другую женщину, что союзъ, связывающій насъ, служитъ вамъ проклятіемъ. Безъ горечи не можете вы думать обо мнѣ. Мнѣ извѣстно, что вы можете быть счастливы, получивъ свободу и соединясь съ предметомъ вашей любви: все это написано вами самими. Теперь только поняла я, что моя смерть случилась бы какъ нельзя болѣе во время, освободивъ васъ отъ единственной преграды вашему счастью. Какъ только маркиза умерла, я рѣшилась...

Эльвира остановилась; легкое дрожаніе губъ доказывало, что она замолчала изъ боязни выказать внутреннее волненіе.

— Какое же рѣшеніе вы приняли? спросилъ Эдвинъ, смотрѣвшій все время на Эльвиру съ непоколебимою твердостью.

— Предложить вамъ разводъ...

Эдвинъ молчалъ; не получая отвѣта, Эльвира продолжала:

— Маркиза умерла; этимъ порвана единственная связь, соединяющая насъ; не желая огорчать маркизу, мы переносили цѣпи, не смотря на то, что съ первой недѣли нашего брака поняли сдѣланный нами промахъ. Я право не понимаю, милордъ, для чего будемъ мы играть роль супруговъ; кончимъ лучше эту комедію; получивъ свободу, каждый изъ насъ можетъ быть счастливъ. Разъ достигнувъ состоянія маркизы, вы не нуждаетесь во мнѣ; я съ своей стороны пользовалась именемъ, которое съ удовольствіемъ возвращаю вамъ, узнавъ по опыту, что имя не можетъ принести счастье.

— Вы кончили? спросилъ Эдвинъ.

— Мнѣ нечего больше прибавить.

— Вотъ вамъ мой отвѣтъ: вы никогда не будете носить другого имени, кромѣ моего; я никогда не соглашусь на разводъ.

— Вы даете этотъ отвѣтъ, желая исполнить обѣщаніе, данное маркизѣ на смертномъ одрѣ; оно не можетъ связывать васъ, если сердца наши не принадлежатъ другъ другу. Имѣй маркиза хоть малѣйшее подозрѣніе, никогда не потребовала бы она, чтобы мы оставались супругами.

— Судьба соединила насъ, сказалъ лордъ твердымъ голосомъ, высоко поднявъ голову,— одна смерть разорветъ эту связь. Будемъ мы счастливы или несчастливы, будемъ-ли жить вмѣстѣ или въ разлукѣ, вы все-таки не будете принадлежать другому мужчинѣ, я не буду имѣть другой жены. Вотъ вамъ мое непоколебимое рѣшеніе.

Эльвира упала на диванъ, положивъ голову на подушку; Эдвинъ сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ, но остановился.

— Вамъ предоставляю я рѣшить, будемъ-ли мы жить каждый по себѣ или вмѣстѣ, продолжалъ онъ.

Эльвира промолчала, опустивъ голову; глаза ея наполнились слезами.

— Вы чувствуете себя несчастною? замѣтилъ Эдвинъ насмѣшливымъ тономъ,—но почему же вы несчастнѣе меня? Вы не можете принадлежать любимому человѣку, но и я раздѣляю ту же участь; вы скажете, что должны отказаться видѣть его, я же могу доставлять себѣ это удовольствіе. Что за важность! Жизнь полна другихъ наслажденій; найдите себѣ вознагражденіе потерянному въ чемъ-нибудь позволительномъ въ вашемъ положеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ постарайтесь понять, что лордъ Кастертонъ изъ уваженія къ своему положенію въ свѣтѣ не можетъ произвести скандала, разведясь съ женою. До свиданія; завтра я буду ждать вашего рѣшенія.

Эльвира не удерживала его, а послѣ его ухода горько заплакала.

XI.

Проходя по гостиной, лордъ встрѣтился съ Армидой.

— Я хотѣла просить васъ, милордъ, сказала она, подойдя къ нему,—возвратить мнѣ письмо, которое я вамъ дала. Я намѣрена была доказать имъ, что счастіе и спокойствіе Эльвиры зависятъ отъ свободы. Вы прочитали письмо, теперь оно не нужно вамъ болѣе.

— Письмо написано къ моей женѣ, отвѣчалъ гордо Эдвинъ,—значитъ, принадлежитъ ей, а не вамъ, потому и останется у меня; сверхъ того, миссъ, вѣдь это только отрывокъ письма, который я самъ могъ найдти. Довольно объ этомъ письмѣ. Не можете-ли вы объяснить, какой добродѣтельный человѣкъ передалъ Эльвирѣ письма, писанныя мною Мартѣ?

— Развѣ они находятся у нея? спросила Армида, представляясь удивленною.

— Да, и я подумалъ, не вы-ли, такъ заботливо желающая устроить нашъ разводъ, доставили ихъ моей женѣ?

— Зачѣмъ бы я сдѣлала это? вскричала Армида.

— Почемъ я знаю! Вы могли дѣйствовать изъ привязанности къ леди Кастертонъ. Доводите же вы разные пустяки до моего свѣдѣнія, сказалъ Эдвинъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Вы правы, милордъ, отвѣчала Армида,—я безгранично предана Эльвирѣ и страдаю, видя ее несчастною; я увѣрена, что можно помочь горю, возвративъ ей свободу.

— Да? Такъ вы думаете, что она была бы счастлива? спросилъ Эдвинъ разсѣянно.

— Если бы я не была въ этомъ вполнѣ увѣрена, я не рѣшилась бы говорить вамъ. Мнѣ кажется, я убѣдительно доказала вамъ, что вы заграждаете ей дорогу къ счастію. Право, милордъ, вы человѣкъ безъ сердца. Сами влюбившись въ Марту, вы отвлекли ея любовь отъ человѣка, съ которымъ она была обручена; когда же онъ, потерявъ невѣсту, возвратился къ своей первой любви, вы не соглашаетесь развестись съ покинутою женою. Не вы-ли сто разъ увѣряли Марту, что были бы вполнѣ счастливы, назвавъ ее своею женою. Скажите, неужели вы воображаете, что поступаете вполнѣ честно?

— Леди Кастертонъ не ошиблась, повѣривъ свое дѣло вамъ, отвѣчалъ Эдвинъ,—но вы напрасно тратите свое краснорѣчіе на такую неблагодарную тему. Я не въ состояніи исполнить желанія вашего и моей жены, развѣ только

вамъ удастся воскресить маркизу изъ мертвыхъ; тогда я, можетъ быть, разведусь съ женой, теперь же г. Брогрену не жениться на леди Кастертонъ, пока я живъ.

Поклонившись Армидѣ, Эдвинъ ушелъ и вскорѣ отправился прокатиться верхомъ; Армида же пошла къ Эльвирѣ, которую застала за писаньемъ писемъ; на ея предложеніе прогуляться или прокатиться Эльвира отвѣчала, что не совсѣмъ здорова.

Эдвинъ не вернулся до обѣда. Войдя вечеромъ въ свой рабочій кабинетъ, онъ замѣтилъ письмо на письменномъ столѣ. Узнавъ почеркъ Эльвиры, онъ тотчасъ же принялся за чтеніе его.

«Лордъ Кастертонъ! Вы желали, чтобы я рѣшила, жить намъ вмѣстѣ или нѣтъ! Единственное мое желаніе: какъ можно менѣе утруждать васъ своимъ присутствіемъ. Правда, по пріѣздѣ вашемъ сюда, надѣясь сойдтись съ вами дружно и жить вмѣстѣ, я рѣшилась даже, если увижу хотя тѣнь дружбы съ вашей стороны, сдѣлать все зависящее отъ себя, чтобы стать вашею преданною женою, роль которой играю теперь передъ свѣтомъ. Свидѣтель Богъ, это было моимъ твердымъ намѣреніемъ. Я узнала, что вы любите Марту Стангенскіольдъ, но заглушая оскорбленное самолюбіе, я обѣщала себѣ сдѣлаться нѣжною, любящею женою. Дѣлая предположенія въ будущемъ, я и не предполагала, что вы сами будете имъ помѣхой. Во все время болѣзни маркизы вы показывали мнѣ холодность, равнодушіе; не сказали мнѣ ни одного дружескаго, ласковаго слова впродолженіи двѣнадцати недѣль. Это обращеніе, а также и переданныя мною вамъ письма доказываютъ, какъ мало я значу для васъ. Самымъ же яснымъ доказательствомъ, какъ не дорога вамъ женщина, носящая ваше имя, служитъ ваше поведеніе во время моей болѣзни. Подумайте только! Болѣзнь продолжалась три недѣли; вы же не могли выбрать времени посѣтить больную жену. Выздоровѣвъ, я совсѣмъ упала духомъ; напрасно старалась я внушить себѣ надежду въ будущее, мысль о томъ, что я совершенно одинока въ свѣтѣ, убивала меня. Планы, которые я строила по вашемъ пріѣздѣ, были разрушены, мнѣ не доставало духу и твердости бороться съ вашимъ равнодушіемъ или стараться завоевать ваше расположеніе. Въ моей памяти запечатлѣлись слова, такъ часто повторяемыя вами въ письмахъ: «женщина, носящая мое имя,—разрушительница моего счастья, стѣна, отдѣляющая меня отъ блаженства!» Далѣе вы писали, милордъ: «Отнимите эту женщину и я буду счастливѣйшимъ смертнымъ». Въ другомъ мѣстѣ: «Честь моя крѣпко приковываетъ меня къ ней. Если бы она оказалась недостойною носить мое имя, я могъ бы развестись съ нею...» Часто повторяла я эти слова во время болѣзни; вспомнивъ ихъ по выздоровленіи, я убѣдилась, что мнѣ остается только предложить вамъ разорвать оковы, связывающія насъ. Вы не согласились. Мнѣ кажется, я угадала причину вашего отказа и начертала себѣ планъ дѣйствія. Послѣ нашего послѣдняго разговора, я еще яснѣе сознала, что мы не созданы другъ для друга... Вы обвинили меня! Вы рѣшились строго осуждать мои поступки, не смотря на то, что сами далеко не безупречны. Вы позволили себѣ обратить мое вниманіе на то, что повелѣваетъ честь и совѣсть, не давъ себѣ труда изслѣдовать, заслужила-ли я ваши упреки. Позвольте спросить васъ, придерживались-ли вы сами проповѣдуемыхъ вами убѣжденій. Я не заслужила вашихъ упрековъ, не позволивъ себѣ недостойнаго поступка. Честно созналась я вамъ, что любила Карла Брогрена въ юности, но также честно повторяю теперь—эта любовь осталась только однимъ воспоминаніемъ; Карлъ Брогренъ для меня ничего не значитъ. Я не оскорбила и никогда не оскорблю вашу честь этою любовью.. Ваше столь поспѣшное и необдуманное оскорбленіе моей чести принесло пользу: оно пробудило меня изъ овладѣвшаго мною унынія и возвратило мнѣ необходимую энергію. Не желая, однакожъ, утруждать васъ слишкомъ длиннымъ письмомъ, перехожу къ главному дѣлу. Вы обѣщали маркизѣ на смертномъ одрѣ не разводиться со мною; вы слишкомъ горды, чтобы не сдержать слова, вотъ причина вашего отказа; можетъ быть, вы правы... Мнѣ предоставляете вы рѣшить: жить намъ вмѣстѣ или въ разлукѣ! «Отнимите эту женщину изъ моей жизни и я буду счастливѣйшій смертный», писали вы, а теперь не согласны на разводъ; я не могу рѣшиться жить съ вами, зная, что я вамъ въ тягость. «Пусть море и земли раздѣляютъ насъ» — вотъ мое желаніе. Страдая сильно во время послѣдняго разговора, я не имѣю моральной храбрости подвергнуть себя свиданію съ вами и когда вы получите это письмо, меня уже не будетъ въ Тимасіо. Прощайте, лордъ Кастертонъ! Услыши Богъ мою молитву о вашемъ счастьѣ; я постараюсь всѣми силами доставить вамъ блаженство, отъ котораго вы отказываетесь по долгу чести. Я уѣзжаю одна... М-съ Бровъ можетъ оставаться въ Тимасіо или ѣхать въ Англію, какъ сама пожелаетъ, м-ль Армида получитъ письмо, лежащее на моемъ письменномъ столѣ. Напоминаю вамъ, что обѣщаніе, данное вами маркизѣ, было условное; на моемъ имени можетъ оказаться пятно, способствующее къ разводу, можетъ случиться, что, не оскорбляя долга и чести, я позволю себѣ поступокъ, не сообразный съ общественнымъ положеніемъ леди Кастертонъ, въ такомъ случаѣ вы будете имѣть право нарушить обѣщаніе, данное покойницѣ... Она однажды сказала мнѣ: «жена должна бодрствовать надъ счастьемъ мужа»; — эти слова неизгладимо запечатлѣлись въ памяти

Эльвиры».

«PS. Теперь, когда я кончила письмо, сердце мое наполнилось безпокойствомъ. Я удаляюсь, чтобы никогда не свидѣться съ вами; это письмо—мое прощаніе съ вами на всю жизнь. Но выговоривъ эти слова, я должна попросить у васъ прощенія въ томъ злѣ, которое я невольно причинила вамъ. Въ эту минуту я умоляю васъ, Эдвинъ Кастертонъ, простите меня, если я съ перваго шага не съумѣла понять своего положенія. Думайте обо мнѣ безъ досады и негодованія; я исправлю свою вину стараніемъ возвратить вамъ ваше потерянное счастье».

На письмѣ явно виднѣлись слѣды слезъ.

Трудно описать впечатлѣніе, произведенное этимъ письмомъ на Эдвина. Слуга два раза докладывалъ ему, что обѣдъ поданъ; Эдвинъ не слыхалъ; наконецъ, на третье заявленіе объ обѣдѣ, онъ отвѣчалъ, что не будетъ обѣдать, а приказалъ позвать къ себѣ м-съ Бровъ.

— Когда леди уѣхала? спросилъ Кастертонъ.

— Развѣ леди уѣхала? въ свою очередь спросила м-съ Бровъ съ изумленіемъ.

— Вы должны знать объ этомъ скорѣе, чѣмъ кто-нибудь другой! вскричалъ Кастертонъ. — Не могла же она вылетѣть въ окно; вы должны были видѣть, когда она уѣзжала.

— Леди все время до обѣда была въ своей комнатѣ, ни одинъ экипажъ не выѣзжалъ со двора, отвѣчала англичанка.—Я сидѣла въ голубой залѣ и не могла не замѣтить, если бы леди выѣхала.

— Гдѣ миссъ Армида?

— Обѣдаетъ.

— Я желаю переговорить съ нею.

М-съ Бровъ неслышными шагами подошла къ нему и, тронувъ за руку, остановила его.

— Будьте осторожны, милордъ, сказала она.

Эдвинъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Не дѣлайте ей вопросовъ, она достаточно подшучивала надъ вами, ненавидя васъ.

— Посмотрите, не сидитъ-ли леди въ своей комнатѣ! приказалъ Эдвинъ, бросившись въ кресло и схвативъ письмо Эльвиры, лежащее на столѣ.

М-съ Бровъ скоро вернулась.

— Леди, покинувъ свою комнату черезъ простѣночную лѣстницу, удалилась въ паркъ, гдѣ стояла наемная карета, въ которой она и уѣхала.

— Одна? Взяла-ли она горничную?

— Она уѣхала одна. Іоганъ повезъ ее.

— Куда же она направилась?

— Этого я не знаю.

— Однако, мнѣ необходимо знать, я долженъ найдти ее! вскричалъ Эдвинъ.

М-съ Бровъ хотѣла удалиться, ничего не отвѣчая.

— Куда намѣрены вы направить свой путь? спросилъ Эдвинъ, схвативъ колокольчикъ.

— За леди.

Лордъ позвонилъ.

— Что хотите вы дѣлать, милордъ? спросила въ свою очередь м-съ Бровъ.

— Я сейчасъ же уѣзжаю въ столицу.

— Подождите до завтра, не давайте прислугѣ повода болтать разный вздоръ о томъ, что здѣсь происходитъ.

— Позовите моего камердинера, сказалъ лордъ лакею, выходя изъ комнаты и направляясь къ комнатамъ Эльвиры.

М-съ Бровъ пошла къ себѣ.

Армида совершенно потеряла голову, такъ все казалось ей страннымъ; она обѣдала одна, ни лордъ, ни леди не показывались; не успѣла м-съ Бровъ сѣсть за столъ, какъ ее позвали къ лорду. Пообѣдавъ, Армида отправилась къ Эльвирѣ, но нашла двери между маленькой гостиной и кабинетомъ запертыми. «Тамъ теперь лордъ», отвѣчалъ ей слуга. Она пошла къ м-съ Бровъ; горничная объявила, что ея нѣтъ дома. Оставалось пойдти за развѣдываніемъ къ Лотти, съ которой Армида всегда была очень любезна. Но и Лотти уѣхала въ Альтронъ. Туда же отправилась и Армида, чтобы не оставаться одной и вернулась домой очень поздно.

На слѣдующее утро, какъ только Армида проснулась, ей передали письмо Эльвиры, съ извѣстіемъ, что лордъ, леди и м-съ Бровъ уѣхали изъ Тимасіо.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

(*Продолженіе.*)

XVIII.

АРХАНГЕЛЬСКІЕ САМОѢДЫ И ЗЫРЯНЕ.

Еще Нестору было извѣстно дикое племя, кочевавшее на крайнемъ сѣверѣ и прозванное за свое людоѣдство самоѣдами, самоядью. Людоѣдство сохранилось у этихъ дикарей еще нѣсколько столѣтій послѣ Нестора и даже въ настоящемъ столѣтіи путешественники слыхали преданія о немъ. Вотъ что говоритъ Кушелевскій: «Остяки называютъ самоѣдовъ орхой — дикій человѣкъ, за канибальство. Въ преданіяхъ самоѣдовъ и остяковъ еще по настоящее время сохранилось въ памяти слѣдующее. Во времена оны, удрученный лѣтами самоѣдинъ, чувствуя себя неспособнымъ промышлять и ѣз-

дить на оленяхъ, считалъ жизнь свою въ тягость себѣ и дѣтямъ. Вслѣдствіе какъ этого, такъ и убѣжденія, что въ загробной жизни онъ можетъ быть купцомъ, приказывалъ себя убить — что предвѣщало счастливую жизнь его потомству, а тѣло свое съѣсть. Этотъ обрядъ дѣти исполняли при шаманахъ со всѣми религіозными церемоніями и трупъ старика съѣдали благоговѣйно. Остяки разсказываютъ со всѣми подробностями, какъ казачьяго сотника Какаулина, пріѣхавшаго къ самоѣдамъ за сборомъ ясака, старшина, желая угостить прилично, позвалъ къ себѣ въ чумъ и при немъ приказалъ младшей дочери своей раздѣться; показалъ ему тѣло ея, которое было жирно и бѣло. Послѣ того старшина убилъ дочь и, отрѣзавъ у нея груди, вынулъ сердце, положилъ то и другое въ котелъ. Какаулинъ, разумѣется, испугался и убѣжалъ. Еще недавно былъ случай: лѣтъ 15 тому назадъ (писалось въ 1852 г.), самоѣдъ, руководясь примѣромъ своихъ предковъ, съѣлъ свою мать, старую и не способную къ труду, за что судился и въ наказаніе содержался въ тобольскихъ арестантскихъ ротахъ (?!). Остяки и самоѣды долго между собою враждовали, наконецъ, послѣдніе смирились и въ знакъ вѣчнаго мира избрали одного изъ своей среды, убили его, сварили и съѣли. Послѣ срубили у лиственицы вершину и на оставшемся отрубкѣ поставили то корыто, изъ котораго ѣли человѣческое мясо. Лиственица эта еще и по настоящее время существуетъ недалеко отъ Пашерцовыхъ юртъ и с. Обдорска. Теперь людоѣдства между самоѣдами нѣтъ, но все-таки они остаются до сихъ поръ самымъ дикимъ народцемъ въ Европѣ, постепенно вымирая въ своей ужасной странѣ (въ прошломъ столѣтіи ихъ было 70,000 чел., нынѣ же только 5,000). Чтобы дать читателю хотя приблизительное понятіе о природѣ тундры, я приведу здѣсь отрывокъ изъ путешествія Кастрена. «Однажды утромъ, въ послѣдней половинѣ декабря, самоѣдъ намѣревался заложить четверню свѣжихъ сѣверныхъ оленей въ наши рогожею покрытыя сани. Въ свои сани, ничѣмъ не покрытыя, онъ также заложилъ четверню сѣверныхъ оленей и привязалъ длиннымъ ремнемъ моихъ животныхъ къ своимъ санямъ. Потомъ самоѣдъ сѣлъ въ переднія сани, одной рукой схватилъ возжи, въ другую руку взялъ длинную палку, ткнулъ ею каждаго оленя и понесся вскачь по тундрѣ. Нашъ путь идетъ прямо къ сѣверу, а передъ нами стелется неизмѣримая пустыня канинской тундры. Тундра почти также обнажена, какъ ея мать-море, восточныя очертанія котораго мы можемъ видѣть. Если бы вѣтры услужливо не сметали снѣга, которымъ небо по своему милосердію осыпаетъ мрачную страну, мы могли бы не знать, гдѣ мы находимся, на землѣ или на морѣ. Только изрѣдка мѣстами видишь рѣдкій сосновый лѣсокъ, или опушку низкорослаго тальника, который обыкновенно указываетъ на присутствіе небольшого ручья, медленно текущаго по плоской тундрѣ. Всмотрѣвшись попристальнѣе, замѣчаешь повсюду небольшія возвышенія, которыя зимой едва замѣтны, ибо всѣ углубленія вокругъ нихъ занесены снѣгомъ.

«Тамъ, гдѣ такая неровность поднимается надъ поверхностью, почва совершенно обнажена, или едва покрыта тонкой, твердой, снѣжной корой, изъ трещинъ которой поднимается исландскій мохъ.

«Земля была необитаема и пуста почти такъ же, какъ въ началѣ сотворенія міра, даже небо было мрачно. Мы быстро катились впередъ, снѣгъ и градъ билъ насъ въ лицо, самоѣдъ мурлыкалъ однообразную пѣсню».

Уже въ деревнѣ Незѣ, въ 60 верстахъ отъ Сомжи, Кастренъ думалъ, что достигъ предмета своихъ желаній, ибо нашелъ самоѣдскаго учителя, знакомаго съ русскимъ языкомъ и одареннаго необычнымъ между самоѣдами умомъ.

«Этотъ человѣкъ зналъ свое превосходство и поэтому во все время своего учительства съ презрѣніемъ смотрѣлъ на своихъ слабыхъ собратій. Однажды нѣсколько самоѣдовъ хотѣли поправить его переводъ, но онъ велѣлъ имъ замолчать и прибавилъ, что они не ученые.

«Я употреблялъ всѣ средства, чтобы удержать какъ можно долѣе такого необыкновеннаго между самоѣдами человѣка; обращался съ нимъ ласково, платилъ хорошо, каждый день давалъ ему водки и никогда не запрещалъ ему напиваться, когда ему этого хотѣлось. Тѣмъ не менѣе онъ скучалъ и его все тянуло въ тундру. — «Ты обращаешься со мной мирно, и за это я тебя люблю, сказалъ онъ мнѣ однажды, — но я не могу жить въ комнатѣ. И поэтому будь милостивъ, освободи меня». Я возвысилъ тогда дневную плату, далъ самоѣду больше водки, позволилъ ему привести жену и ребенка, угощалъ даже жену водкой и всѣми средствами старался разсѣять мрачныя думы самоѣда. Этимъ уговорилъ я его остаться еще на нѣсколько дней. Въ моей комнатѣ, на полу, какъ въ юртѣ, сидѣли мужъ, жена и ребенокъ, мужъ все время былъ занятъ со мною, жена шила самоѣдское платье и иногда помогала мужу въ переводахъ. Часто я слышалъ, какъ она глубоко вздыхала, и разъ, когда я спросилъ ее о причинѣ ея грусти, она залилась слезами и, рыдая, отвѣчала мнѣ, что горюетъ о своемъ мужѣ, который въ моей комнатѣ запертъ, какъ въ тюрьмѣ. — «Твоему мужу, возразилъ я, — вовсе не хуже, чѣмъ тебѣ самой. Ну, скажи мнѣ, что ты думаешь о своемъ собственномъ положеніи?» — «Я о себѣ не думаю, а горюю о мужѣ», наивно отвѣчала она.

«Наконецъ, и мужъ и жена такъ умоляли меня объ освобожденіи, что я рѣшительно не былъ въ состояніи отказать ихъ просьбѣ».

По дорогѣ отъ Пёши до Пустозерска, послѣ того, какъ здѣсь Кастренъ попробовалъ еще разъ отыскать себѣ учителя самоѣдскаго языка, онъ близко познакомился съ бурей въ тундрѣ.

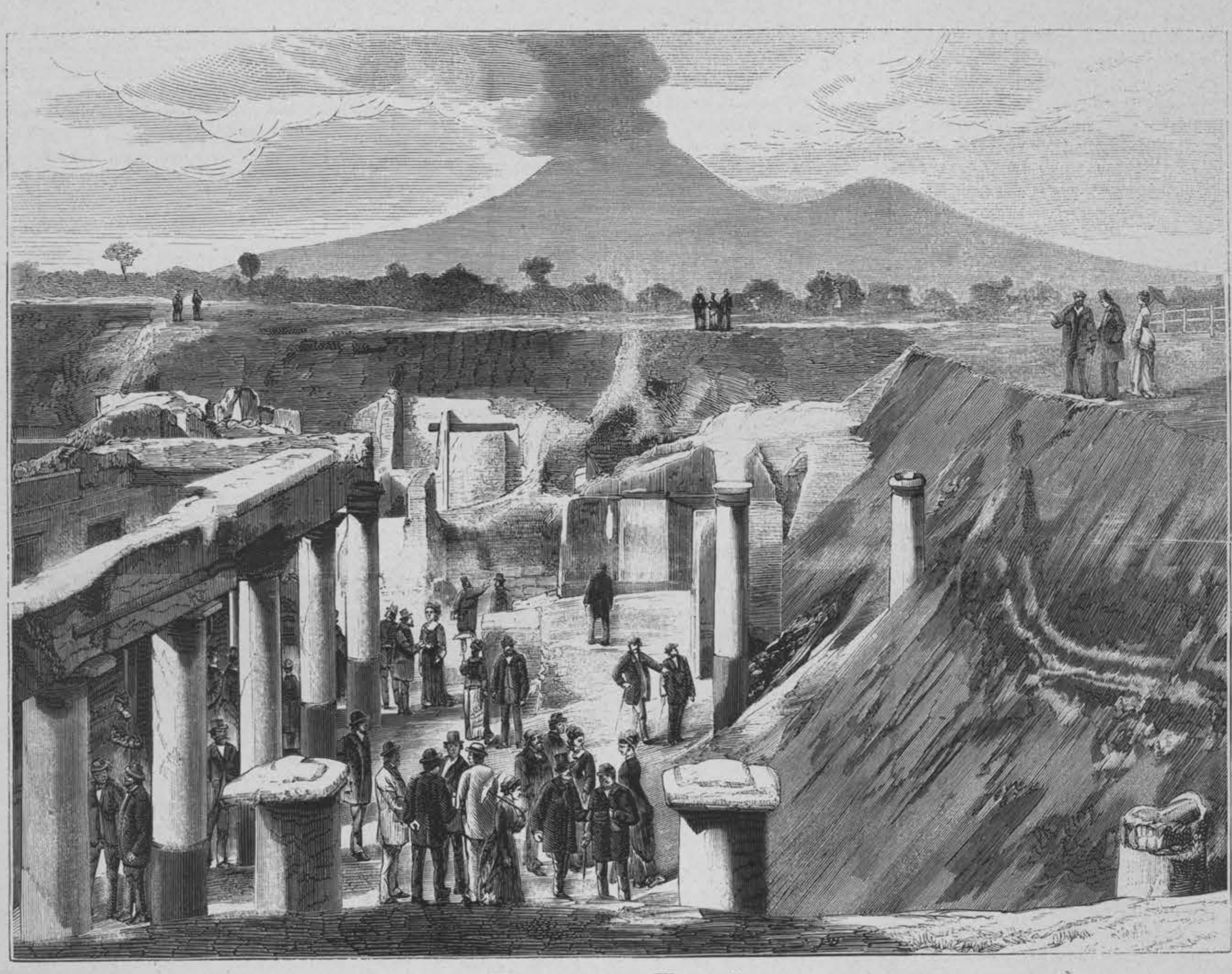
«Непогода началась и усилилась до такой степени, что къ полудню нельзя было видѣть оленей, запряженныхъ въ наши сани. Покрышку моихъ саней, сначала нѣсколько меня защищавшую, къ вечеру снесла буря. Страшась за свою судьбу, я спросилъ моихъ проводниковъ, сколько мы отъѣхали, на что они отвѣчали: «Мы не знаемъ мѣста и ничего не видимъ». Такъ отвѣчали ямщики каждый разъ, какъ сгребали массу снѣга, который заносилъ меня. При этомъ они замѣтили, что моя малица промокла отъ снѣга, и одинъ изъ нихъ былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ свой савикъ, — часть одежды, которая соотвѣтствуетъ лапландскому пески и надѣвается сверхъ малицы. Но на мое горе я нѣсколько выше обыкновеннаго роста, что часто меня затрудняло относительно саней и одежды, и въ настоящемъ случаѣ я не могъ принять сердечнаго предложенія самоѣда и принужденъ былъ съ терпѣніемъ покориться закону необходимости мало-по-малу промокнуть насквозь. Мы продолжали путь шагъ за шагомъ, мѣняя направленіе, то въ ту, то въ другую сторону. Наконецъ, мы доѣхали до хорошо знакомой ямщикамъ рѣки. Ѣхавшій впереди, спустился съ своими оленями на ледъ и поѣхалъ далѣе по льду, чтобы отыскать дорогу получше. Но въ этой экскурсіи онъ совершенно пропалъ. Тогда другой ямщикъ отправился отыскивать своего товарища, а я остался въ тундрѣ совершенно одинъ, по крайней мѣрѣ, впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, рѣшительно не зная, куда дѣвались ямщики, потому-что все, что я теперь разсказываю, я узналъ только, когда мы пріѣхали къ ближайшей юртѣ. Сначала я даже не зналъ, что мои проводники исчезли, но потомъ, получивъ это печальное свѣдѣніе, я подумалъ, что они бѣжали со страха.

«Я не стану описывать внутренняго своего состоянія, но я чувствовалъ, что въ платьѣ, промокшемъ насквозь втеченіи дня, меня затрясла страшная лихорадка, когда съ наступленіемъ ночи холодъ увеличился. Я думалъ, что пробилъ мой послѣдній часъ, и приготовился путешествовать въ иной міръ».

Но не эта убійственная природа губитъ самоѣдское племя, а его отношенія, преимущественно экономическія, къ зырянамъ и русскимъ, которые постепенно завладѣли лучшими угодьями и оленьими стадами самоѣдовъ, превративъ послѣднихъ въ своихъ кабальныхъ рабовъ. Уже въ сороковыхъ годахъ Исляпинъ нашелъ, что на 1470 зырянъ приходилось рабочихъ пролетаріевъ изъ самоѣдовъ 1200 чел., у 1400 самоѣдовъ не было ни одного оленя, а на 3600 остальныхъ приходилось только по 4 оленя на каждаго. Кромѣ оленеводства, самоѣды промышляютъ рыболовствомъ и звѣрованьемъ, но и эти промыслы тоже почти окончательно захвачены зырянами и русскими. Они отбили у самоѣдовъ всѣ промысловыя мѣста, обзавелись нужными снастями и снарядами, которыхъ негдѣ взять бѣдному самоѣдину, и промышляютъ рыбу все лучшее время года, не подпуская самоѣдовъ; эти послѣдніе выжидаютъ для ловли осени, когда зыряне и русскіе возвращаются домой въ свои поселенія, и тогда начинаютъ ловить, что́ осталось рыбы, если есть необходимые снаряды или удалось взять ихъ въ ссуду у русскихъ и ижемцевъ за часть улова. Но недостатокъ соли не позволяетъ самоѣдамъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, добычею своего промысла: за полпуда соли они должны платить тѣмъ же русскимъ крестьянамъ или ижемцамъ бѣлаго песца или оленью шкуру, цѣною въ 1 рубль, а при такихъ цѣнахъ на соль они естественно не имѣютъ возможности солить свою рыбу. При этихъ захватахъ главную роль играла торговля, которую такъ описываетъ одинъ очевидецъ въ «Архангельскихъ губ. вѣд.»: «Самоѣдину нуженъ пудъ печенаго хлѣба или пудъ ржаной муки, пустозеръ запрашиваетъ отъ него за это небольшое количество муки или хлѣба 2 пуда ворвани. Самоѣдину, хотя и отуманенному виномъ, кажется невыгодною такая мѣна, потому что онъ знаетъ цѣну своему товару и въ Пустозерскѣ. Онъ упрашиваетъ пустозера промѣняться товаромъ, по крайней мѣрѣ, пудъ на пудъ, но со стороны этого послѣдняго нѣтъ никакой сбавки съ запрошеннаго. Что же прикажете въ такихъ обстоятельствахъ дѣлать самоѣдину? У него въ чуму нѣтъ и одной горсти этой муки, столь необходимой для пропитанія его малолѣтняго семейства. Пріѣдетъ онъ въ свой чумъ, дѣти запросятъ поѣсть, а у его жены нѣтъ въ мѣшкѣ и одной горсти муки, чтобы придать нѣсколько питательности варимой ею въ котлѣ массѣ крови съ двумя или тремя кусками оленьяго мяса, составляющей единственное средство поддержанія жизни въ цѣломъ семействѣ. Да еще хорошо, что есть эта благодѣтельная кровь! А если нѣтъ? Если въ котлѣ варится только вода и оглоданныя ранѣе кости отъ когда-то бывшаго у него въ чуму мяса? А это, ей-ей не лгу, случается видѣть весьма нерѣдко. Что тогда дѣлать самоѣдину? Сила любви къ семейству заставляетъ его рѣшиться и онъ рѣшается платить за каждые 20 фунтовъ муки по пуду ворвани. Необходимость прикрыть отъ холода тѣло заставляетъ самоѣдина сшить къ осени женѣ своей верхнюю одежду. Въ составъ этой одежды входятъ цвѣтныя сукна — желтое, красное и черное. Весь матеріялъ для одежды, кромѣ суконъ, у жены самоѣдина имѣется уже у себя въ чуму, остановка за одними суками. Въ ящикѣ пустозера лежатъ цѣлыя полосы суконъ, а имъ нужно только $^3/_4$ аршина. Молодая самоѣдка сгоигъ подлѣ сундука, глаза ея съ жаромъ смо-

трять на лежащее передъ нею богатство суконъ, она смотритъ умиленнымъ взоромъ на своего мужа и самымъ выраженіемъ глазъ своихъ проситъ его доставить ей возможность имѣть въ своихъ рукахъ необходимую для нея частицу лежащаго передъ нею богатства. Самоѣдинъ тронутъ этою нѣмою просьбой и начинаетъ спрашивать у пустозера о цѣнѣ и этого товара. Тотъ же пудъ ворвани или чистый черный неблюй требуется этимъ послѣднимъ за каждую ¼ аршина этого сукна. Со стороны самоѣдина опять начинается упрашиванье сбавить запрошенную цѣну и опять все это дѣло кончается тѣмъ, что каждая четверть аршина сукна переходитъ въ руки самоѣдина по той же безбожной цѣнѣ, какая спрошена была съ него пустозеромъ спачала. Нужны тому же самоѣдину и ножъ, и топоръ, и за каждую пару этихъ орудій онъ платитъ тотъ же пудъ ворвани или чернаго неблюя; нужны ему и соль, и табакъ, и за каждые полпуда соли онъ платитъ тотъ же самый пудъ, или что-либо такое, что можетъ соотвѣтствовать его цѣнности; нужны ему и порохъ, и свинецъ, нужны его женѣ и иглы, и гребень, и все это они берутъ у пустозера по болѣе нежели удесятеренной цѣнѣ. Такъ, были случаи, и при мнѣ лично, что нѣкоторые пустозеры за 10 иглъ самой простой работы и стоющихъ даже въ Пустозерскѣ не болѣе 3-хъ копѣекъ, брали по цѣлому черному неблюю, за два гребня изъ бѣлаго рога и самой топорной работы по семи крестоватиковъ. Самоѣды канинской тундры забираютъ товаръ большею частью у крестьянъ деревни Семжи весною. Осенью крестьяне кредиторы съ пустыми и наполненными виномъ бочками являются за уплатою, спаивают самоѣдовъ и потомъ предъявляютъ свои долги, собираемые мясомъ и шкурами оленей, которыхъ тутъ же и убиваютъ, разумѣется, двумя или тремя болѣе, чѣмъ значится по счету, и наполняютъ мясомъ пустыя бочки. Такимъ образомъ, крестьяне получаютъ двойной барышъ отъ того, что за взятый самоѣдиномъ товаръ они ставятъ гораздо болѣе его стоимости, а во-вторыхъ, что болѣе бьютъ оленей, чѣмъ слѣдовало-бы по счету.

Результатомъ такой торговли является кабала, о которой, между прочимъ, вотъ что разсказываетъ академикъ Шренкъ: «Послушай-ка, ваше высокопреподобіе, говорилъ мнѣ одинъ самоѣдинъ, научившійся этому титулованію въ обращеніи съ миссіонерами,—какъ ты думаешь, что хозяинъ не хочетъ меня отпустить?» «Отчего онъ не хочетъ отпустить?» спросилъ я. «Кабала мѣшаетъ». «Но вѣдь вамъ кабала нынче прощена?» «Не могу сказать, но я ее еще имѣю». «Какъ давно ты служишь у хозяина?» «Два года». «Сколько ты въ годъ платы получаешь?» «Получаю двадцать рублей, говоритъ хозяинъ». «Какъ часто получаешь ты деньги?» «Я не получаю денегъ». «Отчего нѣтъ?» «Это кабала». «Какъ сдѣлалъ ты свою кабалу?» «Не знаю, я не дѣлалъ; мои покойные мать да братъ сдѣлали, говоритъ хозяинъ». «Какъ же ты отслуживаешь долгъ, котораго не дѣлалъ? Можетъ быть, хозяинъ тебя обманываетъ?» «Не знаю; но хозяинъ говоритъ, законъ велитъ мнѣ служить ему, потому что мать и братъ сдѣлали у него кабалу». «Какъ велика твоя кабала?» «Какъ могу я это знать? Это знаетъ хозяинъ лучше, чѣмъ я, у него это записано». Эти кабальные рабочіе зырянъ и русскихъ—настоящіе рабы. По вычисленіямъ Иславина, хозяинъ платитъ среднимъ числомъ 4 р. 21¾ коп. Плата самому способному работнику не превышаетъ 15—18 р. въ годъ. Но самоѣдину-работнику рѣдко удается получить и эту ничтожную плату; обыкновенно она остается у хозяина, который снабжаетъ его и семейство лишнею одеждою или пищею сверхъ положенныхъ въ условіи, также виномъ, табакомъ и другими вещами, и обыкновенно самоѣдинъ наживаетъ у хозяина еще большой долгъ. Этого долга самоѣдину никакъ не удается выплатить и, такимъ образомъ, онъ остается въ вѣчной и полной зависимости отъ своего хозяина, не имѣя ни малѣйшей возможности сдѣлать какое-нибудь сбереженіе, которое могло-бъ обезпечить его хоть на нѣкоторое время и дать ему возможность найдти болѣе выгодныя занятія. Иногда самоѣдинъ попадаетъ въ кабалу хозяину за долги своихъ отцовъ, о которыхъ никогда и не слыхивалъ: русскій или ижемецъ насильно беретъ самоѣдина къ себѣ и удерживаетъ его, а бѣднякъ не имѣетъ возможности протестовать и остается, такимъ образомъ, въ неволѣ. Мы здѣсь говоримъ о хозяевахъ русскихъ и зырянахъ, занимающихся оленеводствомъ; они нанимаютъ работниковъ самоѣдовъ главнымъ образомъ для помощи себѣ въ этомъ занятіи. Первая обязанность такого работника—стеречь оленей своего хозяина; но кромѣ того онъ исполняетъ еще множество работъ всякаго рода: дѣлаетъ сани, бочки, лодки, шьетъ одежду

Раскопки въ Помпеѣ.

занимается для хозяина звѣриными промыслами и т. п. Хозяинъ знаетъ цѣну услугъ самоѣдина, который въ тундрѣ совершенно необходимъ ему; но онъ знаетъ также, что бѣдняку некуда обратиться кромѣ него и потому не видитъ необходимости вознаграждать его заслуги, какъ слѣдуетъ. Иногда въ работники поступаютъ и такіе самоѣды, которые имѣютъ еще нѣсколько своихъ оленей, десятка два-три. Въ такомъ случаѣ они пасутъ своихъ оленей вмѣстѣ съ хозяйскими, но также рѣдко отходятъ отъ хозяина богаче, чѣмъ были, а обыкновенно проживаютъ даже то, что имѣли, и идутъ нищенствовать. Но недобросовѣстность хозяевъ вызываетъ протестъ со стороны эксплуатируемыхъ, выражающійся въ обманахъ и обкрадываніи хозяевъ, если тѣ недостаточно строго присматриваютъ за своими работниками. Такъ, крестьяне устьцылемской и пустозерской волостей имѣютъ теперь немного оленей, тогда какъ владѣли прежде большими стадами. Причиною было то, что самоѣды, которымъ предоставлены были олени въ полное распоряженіе, переклейммливали ихъ и передавали своимъ соотечественникамъ, докладывая хозяевамъ, что олени или поколѣвали или зарѣзывались волками: между самоѣдами нѣтъ обычая, чтобы пастухъ отвѣчалъ за скотину, когда ее съѣстъ звѣрь, такъ какъ за этимъ трудно углѣдить, особенно въ темныя, осеннія ночи; самоѣдинъ отвѣчаетъ въ томъ только случаѣ, если убьетъ оленя или искалѣчитъ его съ злымъ намѣреніемъ. Наученные этимъ примѣромъ, хозяева не оставляютъ теперь стадъ безъ всякаго присмотра и завели въ тундрѣ съ этою цѣлью поселенія, избы въ двѣ-три, которыя и сдѣлались центрами мѣновой торговли съ самоѣдами. Кромѣ этихъ вѣковѣчныхъ должниковъ и зыряне и русскіе берутъ къ себѣ нищихъ-самоѣдовъ во временные работники за одно прокормленіе ихъ. Такіе самоѣды работаютъ у зырянъ на замшевыхъ заводахъ и пользуются кровомъ и содержаніемъ до зимы, когда прекращаются работы. Съ окончаніемъ работъ ихъ выгоняютъ изъ жилыхъ избъ; тогда они бродятъ изъ избы въ избу, гдѣ позволяютъ имъ жить короткое время, если нужна ихъ работа. Если-жь они не находятъ себѣ работы, то ищутъ прибѣжища у бѣдныхъ своихъ соотечественниковъ. Этихъ самоѣдовъ нанимаютъ для шитья теплой оленьей одежды (этимъ занимаются женщины, извѣстныя мастерицы въ такой работѣ) или выдѣлки оленьихъ шкуръ; въ лѣтнее время, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ родится хлѣбъ, нанимаютъ женщинъ для полевыхъ работъ, а мужчинъ для домашнихъ крестьянскихъ занятій, для рыбной ловли и морскихъ звѣриныхъ промысловъ. Пользуясь трудомъ этихъ нищихъ самоѣдовъ, русскіе и зыряне не всегда нанимаютъ себѣ постоянныхъ работниковъ, такъ какъ вполнѣ увѣрены, что во всякое время и для всякой необходимой имъ работы найдутъ достаточно дѣльныхъ рабочихъ рукъ, трудъ которыхъ приведется заплатить только ничтожнымъ содержаніемъ. Осенью, во время убоя скотины, эти самоѣды помогаютъ ижемцу-хозяину бить оленей единственно изъ-за крови и внутренностей животнаго.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Къ рисункамъ.

Возвращеніе съ праздника. «Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ»—это изрѣченіе оправдывается не всегда. Живымъ примѣромъ этому служитъ Гарнье, одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ французскихъ художниковъ нашего времени. Его картины «Наказаніе за прелюбодѣяніе», «Право первой ночи» и «Возвращеніе съ праздника» являются произведеніями въ высшей степени замѣчательными. Здѣсь вы видите и изученіе старой французской жизни, и полныя вкуса группы народа, и тонкій юморъ въ изображеніи различныхъ физіономій, и прекрасный правильный рисунокъ. Эти картины полны движенія и жизни. А между тѣмъ самъ Гарнье человѣкъ больной и хилый, почти не покидавшій въ дѣтствѣ постели. Въ эти дни болѣзни и одиночества въ ребенкѣ созрѣлъ тонкій и всматривающійся въ жизнь, анализирующій умъ и когда Гарнье впервые выставилъ въ Парижѣ написанную имъ картину, — его замѣтили, какъ не дюжиннаго художника, задающагося всегда серьезной мыслью при созданіи той или другой картины. Помѣщенная нами въ нынѣшнемъ нумерѣ его картина является оживленной сценкой изъ жизни старой Франціи: эти молодые кутилы, возвращающіеся съ праздника, и эти монахи съ болѣе или менѣе притворной набожностью являются прелестнымъ контрастомъ. Тутъ нѣтъ вовсе преувеличенія, но виденъ тонкій юморъ, вызывающій невольную улыбку. Смотря на эту картину, вы невольно хотите попристальнѣе разсмотрѣть каждую физіономію и поймать затаенныя мысли... ну, хоть бы этого молодого монаха, искоса, изъ-подъ капюшона поглядывающаго на гулякъ. При видѣ его, вамъ такъ и кажется, что онъ самъ былъ бы не прочь съ пѣснями и криками пройдтись по городу въ толпѣ этой кутящей молодежи.

Мышь! мышь! Очень оригинальна и комична и эта сценка, подмѣченная венеціанскимъ художникомъ. Въ комнатѣ полный переполохъ: дѣвушки повскакали на стулья, поджали ноги, потеряли башмачки, мальчишки залѣзли подъ комодъ и шарятъ палками, страхъ у всѣхъ самый искренній. Но что же случилось? «Мышь! мышь!» кричатъ всѣ. Изъ-за этого-то маленькаго врага случился весь переполохъ. Эта картина, рѣзанная на деревѣ въ Барселонѣ, такъ же какъ и картина Гарнье, рѣзанная на деревѣ въ Парижѣ, является у насъ въ отличномъ исполненіи: граверы съумѣли въ этихъ картинахъ сохранить мягкость тоновъ и передать всѣ мелочные детали этихъ произведеній.

Деревенская дипломатія. Въ Лондонѣ, кромѣ королевской академіи искуства, выставки картинъ бываютъ и въ хрустальномъ дворцѣ. До сихъ поръ мы помѣстили нѣсколько картинъ съ выставки королевской академіи, теперь мы помѣщаемъ одну картину, бывшую въ нынѣшнемъ году на выставкѣ въ хрустальномъ дворцѣ. Это очень милый жанръ: деревенская дѣвочка цалуетъ деревенскаго мальчугана, очевидно желая выманить у него кусокъ закушеннаго имъ хлѣба, на что онъ отвѣчаетъ видимымъ недовѣріемъ къ неожиданнымъ ласкамъ. Головки дѣтей сдѣланы прекрасно.

Испанскіе разбойники. О, это было очень удачное нападеніе: ѣхалъ дилижансъ; они, разбойники, засѣли въ лѣсу; когда экипажъ поровнялся съ ними, они напали на него; пассажиры начали кричать, женщины упали на колѣни, попадали въ обмороки, мужчины стали защищаться; одного изъ нихъ, изъ разбойниковъ, ранили; но они все же побѣдили, захватили множество чемодановъ, часовъ, кошельковъ; они даже устали, таща награбленный скарбъ въ свою берлогу. Но теперь они могутъ разобраться, сдѣлать дѣлежъ. Только одинъ раненый лежитъ, не принимая участія въ дѣлежѣ; за нимъ ухаживаетъ одна изъ дѣвушекъ ихъ шайки. Но, чу! слышатся чьи-то шаги, чей-то любопытный глазъ заглядываетъ въ вертепъ, виденъ штыкъ ружья, военная шляпа. А это...

Nous sommes les carabiniers...

Это грозные, но не страшные карабинеры изъ оффенбаховскихъ «Разбойниковъ»,—карабинеры, которые сами про себя говорятъ:

Nous arrivons toujours trop tard...

А вѣдь какіе страшные на видъ!

Зима. Деревья сада давно спустили «зеленый свой уборъ»; мостики и аллеи уже покрыты снѣгомъ; все мертво, все какъ бы застыло, все неподвижно. Вотъ мотивъ, взятый г. Нероплевымъ для его карандашнаго рисунка, бывшаго на послѣдней выставкѣ въ академіи художествъ и передапнаго у насъ на деревѣ. Это всѣмъ намъ знакомый видъ грустной зимней картины.

Правительственныя распоряженія.

Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ представленіе министерства внутреннихъ дѣлъ о правилахъ употребленія полицейскими чинами въ дѣло оружія, полагалъ установить, въ видѣ мѣры временной, нижеслѣдующее:

I. Каждый дѣйствующій не въ составѣ командъ полицейскій или жандармскій чинъ можетъ, при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей, употреблять въ дѣло оружіе: 1) для отраженія всякаго вооруженнаго на него нападенія; 2) для отраженія нападенія хотя бы и невооруженнаго, но сдѣланнаго нѣсколькими лицами или даже и однимъ лицомъ, но при такихъ обстоятельствахъ или условіяхъ, когда никакое иное средство защиты не было возможно; 3) для обороны другихъ лицъ отъ застигнутаго полицейскимъ или жандармскимъ чиномъ нападенія, угрожающаго жизни, здоровью или неприкосновенности тѣхъ лицъ; 4) при задержаніи преступника, когда онъ будетъ препятствовать сему указанными выше насильственными дѣйствіями (пп. 1-й и 2-й), или когда невозможно будетъ преслѣдовать или настичь убѣгающаго; 5) при преслѣдованіи арестанта, бѣжавшаго изъ тюрьмы или изъ-подъ стражи, когда невозможно настичь его, или когда онъ противится задержанію предусмотрѣнными выше насильственными дѣйствіями, и 6) въ каждомъ изъ вышеозначенныхъ случаевъ полицейскій или жандармскій чинъ обязанъ о всѣхъ обстоятельствахъ и послѣдствіяхъ употребленія имъ въ дѣло оружія доносить при первой къ тому возможности ближайшему начальству.

II. Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ и главному начальнику III-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, каждому по принадлежности, дать, по взаимному между ними соглашенію и по сношеніи съ министромъ юстиціи, надлежащее, соотвѣтственно указаніямъ комитета министровъ, наставленіе подвѣдомственнымъ имъ мѣстному начальству о внушеніи чинамъ полиціи и жандармскаго вѣдомства, чтобъ при употребленіи въ дѣло оружія они всемѣрно соблюдали должную осторожность, строго сообразуясь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ обстоятельствами, дабы безъ крайней необходимости не нанести вреда, особенно же лицамъ постороннимъ, и

III. Въ случаяхъ призыва полицейскихъ и жандармскихъ командъ для возстановленія порядка, разрѣшить этимъ командамъ употреблять въ дѣло оружіе съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ правилъ: 1) опредѣленіе времени, когда должно приступить къ дѣйствію оружіемъ, зависитъ отъ усмотрѣнія полицейскаго начальства, распоряжающагося на мѣстѣ безпорядковъ. Оно даетъ приказаніе объ этомъ не иначе, какъ исчерпавъ всѣ зависящія отъ него средства къ усмиренію неповинующихся; 2) къ дѣйствію оружіемъ можно приступать только послѣ троекратнаго громогласнаго предваренія неповинующихся о томъ, что начнется дѣйствіе оружіемъ. Затѣмъ самый способъ дѣйствія предоставляется вполнѣ усмотрѣнію распорядителя, но съ тѣмъ, чтобъ огнестрѣльное оружіе было употребляемо только въ случаѣ неизбѣжной необходимости, когда никакими другими способами нельзя будетъ прекратить безпорядокъ; 3) безъ означеннаго выше въ пунктѣ 2-мъ предваренія дозволяется прибѣгать къ дѣйствію оружіемъ во время народныхъ безпорядковъ или волненій въ крайней необходимости, а именно, когда сдѣлано будетъ нападеніе на команду или когда окажется нужнымъ спасти быстрымъ дѣйствіемъ жизнь лицъ, подвергнувшимся насиліямъ со стороны возмутившихся; 4) полиція принимаетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры къ тому, чтобъ во время дѣйствія полицейскихъ или жандармскихъ командъ оружіемъ не пострадали лица, неприкосновенныя къ безпорядкамъ или волненіямъ, и 5) попеченіе о лицахъ, раненыхъ во время дѣйствія оружіемъ, возлагается на обязанность полиціи.

Государь Императоръ, въ 10-й день октября 1879 года, положеніе комитета высочайше утвердить соизволилъ.

Смѣсь.

— Торжественное празднество въ память разрушенія Помпеи. (см. рис. стр. 373) 23-го сентября нынѣшняго года поѣзда желѣзной дороги между Неаполемъ и Помпеей безостановочно одинъ за другимъ подвозили тысячи приглашенныхъ и любопытныхъ зрителей на торжественное празднество, устроенное въ память тысячи восьми сотой годовщины страшнаго событія, случившагося въ 79-мъ

году. Стоитъ только перечитать животрепещущій разсказъ Плинія Младшаго, чтобъ представить себѣ во всѣхъ ея подробностяхъ не только раздирательную картину самаго бѣдствія, но также изумительныя явленія, предшествовавшія ему. Восемнадцать вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, но благодаря безсмертному творенію знаменитаго историка, какъ живые подымаются въ воображеніи: зловѣщій ревъ и вой морскихъ волнъ, мрачное облако, ежеминутно раздираемое молніей, которымъ, точно саваномъ, былъ окутанъ Везувій и окружающая мѣстность въ день катастрофы; а затѣмъ дождь огненнаго пепла, отчаянные стоны мужчинъ, женщинъ и дѣтей, охваченныхъ таинственной паникой. Напрасно пытаются они пробиться сквозь горячій, удушливый туманъ и спастись бѣгствомъ, усилія ихъ тщетны, туманъ съ минуты на минуту сгущается, горы пепла ростутъ съ неимовѣрной быстротой и засыпаютъ ихъ. Да, восемнадцать вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, но сцена разрушенія и смерти будетъ вѣчно парить гигантскимъ призракомъ надъ Везувіемъ, а воспоминаніе объ этомъ событіи вѣчно будетъ заставлять людей вздрагивать отъ ужаса. Высокими холмами скучивался постепенно пепелъ надъ уголкомъ земли, недаромъ прозваннымъ «кусочкомъ неба, упавшимъ на землю», и отъ цвѣтущихъ городовъ: Помпеи, Геркуланума и Стабьеса, нѣкогда красовавшихся среди плодоносной и прелестной мѣстности, не оставалось ни малѣйшаго слѣда втеченіи 16-ти вѣковъ. Впрочемъ, городъ Помпея до катастрофы 79-го года, не разъ подвергался опасности отъ болѣе или менѣе сильныхъ землетрясеній. Такъ, напримѣръ, въ 63-мъ году Везувій довольно таки чувствительно проявилъ могучую вулканическую силу, пробуждавшуюся въ его нѣдрахъ послѣ долговѣчнаго отдыха, но никогда еще послѣдствія землятрясеній не были такъ ужасны, какъ въ тотъ роковой день 23-го августа. Густыя массы жгучаго пепла огненнымъ дождемъ сыпались на городъ до тѣхъ поръ, пока не покрыли его слоемъ въ нѣсколько футовъ толщины. Только часть жителей успѣли спастись бѣгствомъ, остальные были засыпаны. Дождь пепла смѣнился дождемъ каменныхъ обломковъ, покрывшимъ Помпею на десять футовъ. За каменьями снова посыпался пепелъ, а тамъ опять камни... Теперь насыпь, подъ которой производятся раскопки, достигаетъ 20-ти футовъ. Вѣка шли за вѣками и самая память о засыпанныхъ городахъ исчезла въ народѣ. Даже водопроводъ, проведенный черезъ Помпею въ 1592-мъ году архитекторомъ Фонтана, не пробудилъ въ умахъ ни малѣйшаго подозрѣнія о существованіи злополучнаго города и только 160 лѣтъ спустя, находка одного крестьянина навела короля Карла III (котораго и раньше того интересовали результаты работъ, производящихся тогда въ Геркуланумѣ) на мысль начать раскапывать Помпею. Работы, начатыя здѣсь въ 1750-мъ году, шли безостановочно по сіе время; но Бурбоны мало интересовались древностями и при нихъ дѣло шло вяло. Только при Мюратѣ оно значительно двинулось впередъ. Кратковременному царствованію этого государя Италия обязана: открытіемъ помпейскаго форума, Могилъ и множествомъ частныхъ домовъ въ подземномъ городѣ.

Переворотъ 1860-го года, такъ благотворно и живительно повліявшій на всю Италію, отразился также и на Помпеѣ. Не взирая на свое стѣсненное денежное положеніе, нынѣшнее правительство нашло возможнымъ удѣлить извѣстную сумму денегъ на раскопки этого города и, благодаря распорядительности сенатора Фюрелли, жертва эта принесла блестящіе результаты. Избирая 23-е сентября для празднества въ память изверженія Везувія, дирекція раскопокъ имѣла въ виду во первыхъ: разногласіе ученыхъ относительно того, въ какой именно день произошло это событіе, которое одни предполагаютъ случившимся 23-го августа, а другіе 23-го ноября; во вторыхъ, неудобство совершать торжественное празднество въ такое жаркое время года, какимъ бываетъ августъ мѣсяцъ въ Неаполѣ и, наконецъ, то обстоятельство, что въ концѣ сентября, благодаря двумъ-тремъ съѣздамъ, въ этотъ городъ должны были съѣхаться множество ученыхъ изъ различныхъ странъ свѣта. При входѣ въ Помпею вниманіе наше было, прежде всего, привлечено выставкой техническаго отдѣла раскопокъ. Планы Помпеи снятые гг. Дискано, Топпи и другими, а также различныя подражанія древней живописи, какъ нельзя лучше облегчили намъ дальнѣйшее знакомство съ мертвымъ городомъ. Когда всѣ приглашенные собрались, г. Руджьери, главный инженеръ, подъ вѣдѣніемъ котораго производятся раскопки, приступилъ къ чтенію своей блестящей рѣчи. Между присутствующими былъ Эрнестъ Ренанъ, (которому былъ оказанъ самый горячій и восторженный пріемъ); представители афинскаго университета; секретарь германскаго археологическаго кабинета въ Римѣ, ученый докторъ Герценъ; неаполитанскій префектъ, въ качествѣ представителя министра народнаго просвѣщенія; сенаторъ Фюрелли, которому Помпея обязана успѣшнымъ ходомъ производящихся въ ней работъ и множество другихъ именитыхъ и замѣчательныхъ по талантамъ и познаніямъ лицъ. Послѣ рѣчи г. Руджьери и послѣ чтенія прекрасныхъ стиховъ, сочиненныхъ на этотъ случай монсиньоромъ Мирабелли и графомъ Гвапчьяли, общество разбрелось группами по тѣмъ частямъ города, гдѣ должны были происходить раскопки въ присутствіи гостей. День выдался удачный: раскопано было въ различныхъ частяхъ города до тридцати комнатъ, въ томъ числѣ лавка съ вещами изъ мрамора, бронзы, желѣза, стекла и тины; найдено было также нѣсколько скелетовъ. Къ вечеру этого достопамятнаго дня было получено нѣсколько привѣтственныхъ телеграфныхъ депешъ отъ филологическихъ обществъ различныхъ странъ.

— **Женщина—членъ географическаго общества.** Извѣстная путешественница Карла Серена, не разъ посѣщавшая Петербургъ и издавшая, на французскомъ языкѣ, любопытные путевые очерки сѣверныхъ государствъ и своихъ странствованій на Востокѣ, въ Сиріи, Египтѣ и другихъ странахъ, получила званіе члена-корреспондента императорско-королевскаго австро-венгерскаго географическаго общества. Это первая женщина, на долю которой выпадаетъ такое почетное отличіе.

— **Сочиненія И. С. Тургенева на нѣмецкомъ языкѣ.** Въ Берлинѣ недавно вышелъ въ одномъ компактномъ объемистомъ томѣ переводъ послѣднихъ произведеній г. Тургенева: «Отцы и дѣти», «Дымъ», «Новь», «Несчастная» и четыре маленькіе разсказа: «Стукъ-Стукъ», «Часы», «Странная исторія» и «Наши послали», собранные подъ названіемъ «Разсказы стараго человѣка» («Erzählungen eines alten Mannes»). «Дымъ», «Новь» и «Несчастная» являются въ нѣмецкомъ переводѣ уже третьимъ изданіемъ, тогда какъ на русскомъ языкѣ они перепечатаны только вторымъ изданіемъ въ полномъ собраніи сочиненій И. С. Тургенева. Переводъ вѣрный и довольно точный.

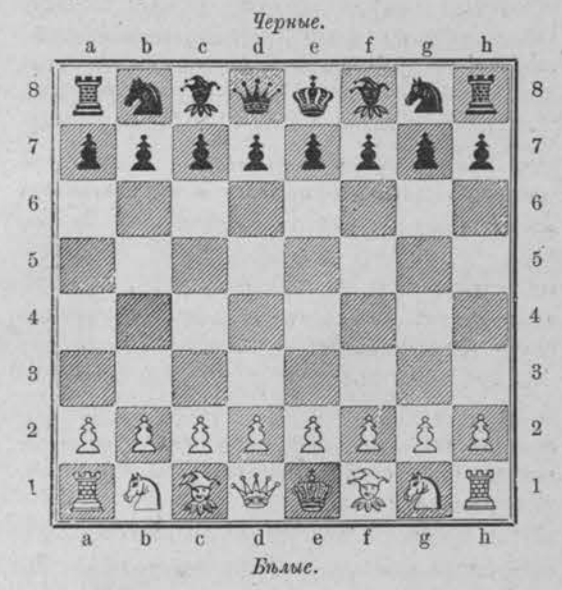
— **Косы и шиньоны изъ растительнаго волоса.** Въ Петербургѣ, въ магазинѣ «Парижскихъ моделей и выкроекъ» (Невскій проспектъ, на углу Новой улицы, домъ № 75—2, кв. № 5) появилась новость, весьма интересная и полезная для дамъ, и притомъ замѣчательная своей дешевизной. Эта новость—косы, шиньоны, локоны и буффоны, изъ растительнаго волоса, всѣхъ возможныхъ тѣней, приготовленнаго привилегированнымъ способомъ Эжена Феваля, открытіе котораго по одобренію медиковъ, удостоено похвальнаго отзыва на Вѣнской выставкѣ («За полезное»). Волосы эти замѣчательны своей необыкновенной легкостью; они въ 4 раза легче обыкновенныхъ волосъ, и потому особенно пріятны въ душныхъ собраніяхъ, въ театрахъ и на балахъ; дешевизна этихъ волосъ дастъ возможность каждой и небогатой женщинѣ быть причесанной по модѣ. Цѣны этой новости слѣдующія: косы отъ 1 р. 75 к. до 8 р. длиной болѣе метра; локоны отъ 25 к. до 1 р. Считаемъ не безполезнымъ сообщить нашимъ читательницамъ, что требованія на эти вещи изъ провинціи надо присылать со вложеніемъ образчика волосъ, толщиной въ спичку и длиной въ вершокъ. Кромѣ суммы за требуемую вещь, прилагается 75 коп. на почтовые расходы.

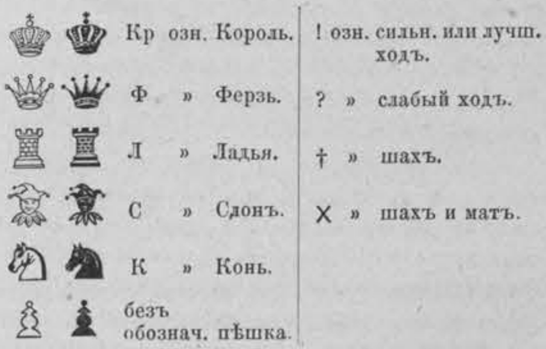
— **Дрессировка собакъ въ Калифорніи.** Овцеводы въ Калифорніи употребляютъ весьма своеобразное средство при дрессировкѣ собакъ, назначенныхъ охранять ихъ стада. Какъ только родится ягненокъ, его отнимаютъ отъ матери и вмѣсто него подкидываютъ ей щенка. По прошествіи нѣкотораго времени щенка начинаютъ кормить по утрамъ мясомъ и выгонять вмѣстѣ со стадомъ въ поле. Присутствіе овцы, вскормившей его, заставляетъ щенка оставаться при стадѣ. Чувствуя голодъ и не находя чѣмъ удовлетворить его, щенокъ начинаетъ теребить овцу и дѣлаетъ это до тѣхъ поръ, пока она не отправится домой и не поведетъ за собою все стадо. Если послѣднее придетъ слишкомъ рано, то собаку наказываютъ и она, мало по малу, благодаря врожденному ей инстинкту, скоро приноравливается въ какое время приводить стадо домой. Въ Калифорніи можно встрѣтить большія стада, которыя охраняются только такими собаками.

Шахматный отдѣлъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Получивъ согласіе отъ одного изъ знатоковъ шахматной игры вести шахматный отдѣлъ, мы съ этого номера начинаемъ его и будемъ помѣщать періодически черезъ номеръ.

Читатели вѣроятно уже знакомы съ разнообразными шахматными нотаціями, которыя употребляются при письменномъ обозначеніи ходовъ въ партіяхъ. Мы намѣрены придерживаться алгебраической нотаціи, обозначая при этомъ названіе фигуры, которою дѣлается ходъ. Сокращенные знаки, которые мы будемъ употреблять, слѣдующіе:

Помѣщая примѣрныя партіи, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ игроковъ, мы постепенно познакомимъ читателей съ разнообразными началами игръ (дебютами и ихъ названіями), а въ примѣчаніяхъ къ нимъ дадимъ наиболѣе употребительныя и лучшія варіанты этихъ дебютовъ.

Въ настоящемъ номерѣ читатели найдутъ одну изъ партій, игранную на Парижскомъ международномъ турнирѣ 1878 г. между г. Цукертортомъ, взявшимъ 1-ый призъ (кубокъ и вазу севрскаго фарфора, пожертвованные правительствомъ, цѣнностью до 5800 фран. и 1000 фр. деньгами) и г. Бирдомъ, получившимъ 5-ый призъ.

Цукертортъ родился въ Ригѣ въ 1842 г. и первый разъ появился публично въ качествѣ шахматнаго игрока въ 1862 г., будучи студен-

томъ Бреславльскаго университета; нынѣ проживаетъ въ Лондонѣ. Англичанинъ Бирдъ извѣстенъ, какъ сильный игрокъ, съ конца 50-хъ годовъ.

ПАРТІЯ № 1.

Итальянская партія. (*Giuoco piano*).

Играна 25 іюня 1878 г.

	Бирдъ. *Бѣлые*	**Цукертортъ.** *Черные*
1)	e2 - e4	e7—e5
2)	К g1—f3	К b8—c6
3)	С f1—c4	С f8—c5 *a*
4)	c2—c3 *b*	К g8—f6 *c*
5)	b2—b4	С c5—b6
6)	Ф d1—b3 *d*	0—0
7)	d2—d3	d7—d6
8)	С c1—g5	К c6—e7 *e*
9)	К b1—d2	К e7—g6
10)	0—0	h7—h6
11)	С g5—e3	c7—c6
12)	d3—d4	d6—d5! *f*
13)	С c4 - d3	d5 : e4
14)	С d3 : e4	К f6 : e4
15)	К d2 : e4	С c8—e6
16)	Ф b3—b2	f7—f5
17)	К e4—c5	С b6 : c5
18)	b4 : c5	f5—f4
19)	С e3 - c1	С e6—d5
20)	Ф b2—c2 *g*	С d5 : f3
21)	Ф c2 : g6	Л f8—f6
22)	Ф g6—d3	e5—e4
23)	Ф d3—c4 †	Кр g8—h8
24)	Л f1—e1 *h*	Л f6—g6
25)	g2—g3	Ф d8—h4
26)	С c1 : f4 *i*	Ф h4 : f4
27)	Л a1—b1	Ф f4—c7
28)	d4—d5	Ф c7—f7
29)	Ф c4—b4	Ф f7—d7

и бѣлые сдались *k*).

Примѣчанія къ партіи.

a) Такое начало игры было въ большомъ употребленіи въ Италіи въ XVIII стол. и особенно разработано тамошними игроками, почему этому дебюту придано названіе *Итальянской партіи*, или *Giuoco piano*, какъ называютъ его итальянскіе шахматные писатели.

b) Этотъ ходъ преимущественно имѣетъ цѣль образовать центральныя пѣшки (*d* и *e*) послѣ хода d2—d4.

c) Лучшій отвѣтъ. Теперь на 5. d2—d4 черные отвѣтятъ e5 : d4; 6. c3 : d4, С c5—b4 †!; 7. С c1—d2, С b4 : d2 †; 8. К b1 : d2, d7—d5! и черные растраиваютъ центръ бѣлыхъ, къ чему они и должны стремиться при подобномъ развитіи игры бѣлыхъ.

d) Планъ атаки бѣлыхъ тѣмъ не хорошъ, что ферзь на b3 занимаетъ не особенно выгодное положеніе. Чтобы перевести его впослѣдствіи на королевскій флангъ, гдѣ эта важная фигура окажется болѣе необходимою, потребуется нѣсколько безполезныхъ ходовъ

e) Очень хорошій ходъ Черные могутъ не опасаться открыть своего короля послѣ С g5 : f6, g7 : f6, именно по той причинѣ, что ферзь бѣлыхъ не можетъ быть опасенъ; черные же въ этомъ случаѣ скорѣе разовьютъ свою игру, отвѣтивъ затѣмъ f6—f5.

f) Теперь черные получаютъ уже значительное превосходство въ положеніи; атака переходитъ на сторону ихъ.

g) Бѣлые не могутъ брать пѣшку e5 ни конемъ, ни пѣшкой. Въ первомъ случаѣ послѣдуетъ 20. ... К g6 : e5; 21. d4 : e5, f4—f3; 22. g2 : f3 (если g2—g3, то Ф d8—d7—h3), С d5 : f3, а затѣмъ Ф d8—d7 (или h4), угрожая матомъ, который бѣлые безъ потерь предотвратить не въ состояніи, а во второмъ 20. .. С d5 : f3; 21. g2 : f3, К g6—h4; 22. Кр g1—h1!, К h4 : f3; 23. Ф b2—e2, К f3 : h2; 24. Кр h1 : h2, Ф d8 h4 † и f4—f3, выигрывая легко.

h) Если бѣлые берутъ слона g2 : f3, то черные, отвѣтивъ 24. Л f6—g6 †; 25. Кр g1—h1, Ф d8—g5, дѣлаютъ матъ не позднѣе 2-го хода

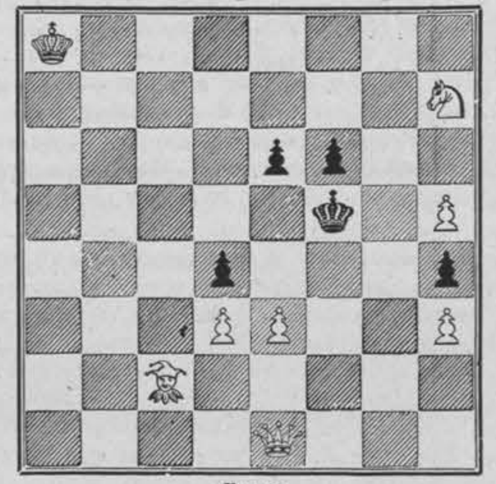
i) Бѣлые вынуждаются къ пожертвованію фигуры; черные намѣрены послѣ f4 : g3; f2 : g3, жертвовать ладьей Л g6 : g3 †; это продолженіе послѣдуетъ и при ходѣ 26. Ф c4—f1.

k) Конечно, черные, имѣя лишнюю фигуру, должны выиграть; но бѣлые не могутъ и продлить игру, играя 30. Ф b4 : b7, тогда Ф d7—h3!; 31. Ф b7 : a8 †, Кр h8—h7.

ЗАДАЧА № 1.

И. Шульца.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Въ скоромъ времени предполагается основать въ Петербургѣ Общество любителей шахматной игры. Проектъ устава уже представленъ учредителями на утвержденіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 43-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 3-го ноября въ 6 часъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 4-го ноября въ 12 час. 30 мин. пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель **Н. И. Шульгинъ.**
Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

Главное депо для Россіи (основ. **1864 г.**)

ОЛЕОГРАФИЧЕСКИХЪ КАРТИНЪ,

рекоменд. 7 чрезвычайно эффектн. пейзажей (19X13 верш.) **по 5 р.;**

въ моей **фабрикѣ рамъ и багетовъ,**

имѣются въ припасѣ для премій и картинъ всякаго рода **16,000 багетовъ,**

вызолоч. черн. и орѣховые въ 88 разн. нумер.

Много новостей, писанныхъ фотограф. и другихъ **картинъ.**

Богато-вызолоченныя скульпт. **рамы,** которыя **можно водою мыть.** Принимаю вставленіе въ рамы и реставрацію картинъ всякаго рода.

Э. Г. ДЕЗЛЕРЪ.

Угловой магазинъ Гороховой и Мойки, у Краснаго моста.

Поступилъ въ продажу:

„СЕЛЬСКІЙ СБОРНИКЪ“,

содержащій въ себѣ свѣдѣнія по сельскому хозяйству, садоводству, цвѣтоводству и огородничеству, по опредѣленію дѣтей въ учебныя заведенія, леченію болѣзней (до 125) домашними средствами, законы о духовенствѣ, програмы учительскихъ экзаменовъ, образцы и формы договоровъ, прошеній и др. свѣдѣнія. Цѣна «Сборнику» одинъ рубль, на перес. 18 к. Выписывающіе три и болѣе экземпляровъ за перес. не платятъ Съ требованіями обращаться: въ гор. Казань, въ Императорское Экономическое Общество, на имя члена Дмитрія Александровича Соколовскаго.

Объ изданіи въ 1880 году журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Журналъ будетъ издаваться по той же програмѣ. Въ распоряженіи редакціи для помѣщенія въ 1880 г. имѣются слѣдующія произведенія: Повѣсть **П. Д. Боборыкина;** «Чужіе грѣхи», романъ **А. Михайлова** (въ отдѣльномъ приложеніи) романъ **Н. И. Северина;** стихотворный разсказъ въ трехъ частяхъ «Въ морѣ житейскомъ», **Б. Левина** (съ иллюстраціями); Стефенъ Митчель, американскій романъ (съ иллюстраціями); романъ **Гонкура;** «Изъ міра русскаго искуства», рядъ статей **Диллетанта;** Пляски и танцы на Руси, историко біологическій очеркъ **Вл. Михневича;** Іезуиты и инквизиція **П. Скромнаго;** «Народы европейской Россіи» **С. С. Шашкова;** рядъ статей **Н. В. Шелгунова** и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ въ 1880 году будутъ помѣщены гравюры съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: гг. **Богданова, Боголюбова, Боткина, Брюлова, Верещагина, Зичи, Крамского, Маковскаго, Мещерскаго, Мясоѣдова, Орловскаго, Семирадскаго, Шварца, Харламова, Якобія** и др. Кромѣ того будетъ помѣщенъ «Альбомъ русской охоты», состоящій изъ ряда картинъ знатока этого дѣла, извѣстнаго художника, г. **Петра Соколова.**

ПРЕМІИ: 1 и 2) **Двѣ олеографическія картины**—«Малороссіянки», **К. Е. Маковскаго** и «На перевязочный пунктъ», профессора **Ковалевскаго;**— картины, оригиналы которыхъ составляютъ собственность Редакціи и потому не могутъ появиться ни въ какихъ копіяхъ въ продажѣ. 3) **Большая гравюра** на веленевой бумагѣ съ картины геніальнаго русскаго художника **А. Иванова,** «Явленіе Христа народу», хорошихъ копій съ которой до сихъ поръ еще не появлялось въ Россіи. Затѣмъ 4) **Литературная,** съ иллюстраціями. Эти преміи выдадутся гг. подписчикамъ, внесшую полную годовую плату за изданіе.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).**

	На годъ.	На полгода.
Цѣна журнала безъ доставки и пересылки........	**6** р.	**3** р. **50** к.
» » съ доставкой и пересылкой........	**7** р.	**4** р.

Подписка на 1880 годъ открыта и принимается въ Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ (близь Невскаго проспекта), д. № 6** и въ мѣстныхъ Конторахъ: **въ Москвѣ,** въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева; **въ Варшавѣ,** въ книжномъ магазинѣ бывшемъ Черкесова, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства **въ Одессѣ,** въ Южномъ агенствѣ газетъ и журналовъ, на Ланжероновской улицѣ д. Вагнера.

Н. ШУЛЬГИНЪ.

При этомъ нумерѣ гг. иногороднымъ подписчикамъ разсылается объявленіе отъ книжнаго Базара, книгопродавца **Земскаго.**

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 2 Ноября 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)